

ЭММА СКОТТ

СГОРАЯ ДОТЛА

18+

Мне нужно было забыть его навсегда.
Но это означало предать саму себя...

Эмма Скотт
Сгорая дотла
Серия «Freedom. Романтическая
проза ЭММЫ СКОТТ»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68695788
ISBN 978-5-04-178773-8

Аннотация

АЛЕКС

Меня не случайно называли Леди Акулой: я привыкла выигрывать дела, за которые бралась. Моя жизнь была расписана по минутам. Вот только я не была готова стать заложницей в банке Лос-Анджелеса. В этом ужасном, пахнущем кровью хаосе я познакомилась с Кори. Моя интуиция сразу подсказала: этот парень с золотым сердцем никогда не бросает слова на ветер. В его темных глазах светилась нежность. Казалось, что я знаю Кори тысячу лет. Сейчас мы должны держаться вместе, чтобы выжить. Вот только влюбляться нам никак нельзя.

КОРИ

Моя жизнь была похожа на рутину. Обязанности перед близкими, мечты о крепкой и надежной семье.

Алекс Гарднер. Что общего у меня могло быть с этой прекрасной незнакомкой из другого мира? В те три дня, что

нам суждено было провести вместе, мы делились с Алекс самым сокровенным. Я узнал, что отец гордился ее успехами. И какой бы сильной она ни казалась, я испытывал страстное желание защитить Алекс. Но единственное, что я могу сделать, – это отпустить ее.

У них есть лишь три дня, чтобы найти друг в друге утешение и опору, раскрыть свои самые сокровенные страхи и секреты. Но разве можно забыть человека навсегда, если уже успел пустить его в глубину своего сердца?

Содержание

Благодарности	6
Предлагаем послушать:	7
Посвящается	8
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	49
Глава 5	58
Глава 6	71
Глава 7	83
Глава 8	104
Глава 9	114
Глава 10	126
Глава 11	136
Глава 12	146
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Эмма Скотт

Сгорая дотла

Emma Scott

Unbreakable

Copyright © 2015 by Emma Scott

© Магомедова М., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Благодарности

Большое спасибо Уильяму Хэйрстону и Энн Маклахлан за их предложения и советы; Анджеле и Грегу Аквистейнейс за помощь во всех тонкостях генерального подряда; Томасу Рипли из «Ripley & Associates» за консультации по многим юридическим вопросам, содержащимся в данном произведении; и огромное спасибо Сюзанне Карлсон за ее неоценимый редакторский вклад (любые оставшиеся в тексте ошибки – мои). И наконец, я от всего сердца благодарю моих первых читателей за уделенное время и честность.

Предлагаем послушать:

Hozier «Take Me To The Church».

Посвящается

*Джанин, моей лучшей подруге.
И Робину; для нас с Кори ты чемпион.
С любовью*

*«Лос-Анджелес... это место тайн: тайных домов,
тайной жизни, тайных удовольствий. Тут никто
не оглядывается по сторонам, чтобы убедиться в
правильности того, что делает —
«Лос-анджелесская история»¹.*

¹ Американская кинокартина 1991 года со Стивом Мартином в главной роли.

Глава 1

Алекс

Поцелуй, крепкий и настойчивый, обещание чего-то большего. Обещание всего на свете. Он отстраняется, и его холодные голубые глаза пылают жаркой страстью. Мое сердце парит. У меня так давно этого не было...

Я притягиваю его ближе, прижимаюсь к нему, давая понять, что я принадлежу ему и он может делать со мной все, что ему заблагорассудится. Он снова целует меня, властно, требовательно. Его руки ласкают меня, его тело, нависшее надо мной, уже готово. Я чувствую его потребность, отражающую мою собственную. На этот раз не бу-

дет ни паузы, ни колебаний.

На этот раз будет пожар...

Звонит телефон, громко и настойчиво.

– Нет... – шепчу я.

Он отстраняется, забирая все свое тепло и оставляя меня в холоде и дрожи, изнывающую от желания.

– Прости, но я должен ответить...

Я резко выпрямилась, словно кто-то облил меня ледяной водой. Моя рука потянулась к будильнику, вторгшемуся в мои сны, и я снова откинулась на подушку, мое сердце бешено колотилось, дыхание участилось. Сон как рукой сняло, от ноющего желания между ног и следа не осталось. Зная, что это бессмысленно, я все же повернулась и потянулась к нему.

На кровати со стороны Дрю было пусто. Холодно. Как будто он и вовсе там не спал, хотя я знала, что это не так. Он поднялся из офиса на первом этаже около двух часов ночи, проскользнув в кровать так тихо, как только мог, чтобы не разбудить меня. Но я не спала.

Мое заключительное слово на последнем судебном заседании вертелось у меня в голове, я пыталась выстроить слова в идеальном порядке, чтобы они, словно меч, пронзили бы сердце защиты, закрыв это дело раз и навсегда.

Услышав шорох простыни, на мгновение я захотела потянуться к Дрю, утонуть в его объятиях, раствориться в нем, чтобы вдвоем сладко и спокойно уснуть на те пару часов, что

оставались на отдых. Но он повернулся ко мне спиной и почти сразу уснул. А мне приснился сон – такой же неудовлетворительный, как и реальность.

Затем я прислушалась к шуму душа, но было тихо. В воздухе повисла легкая тревога с ароматом мыла и одеколона Дрю. Я взглянула на часы. Две минуты шестого.

«Он встал раньше обычного».

Я вспомнила, что утром у него важная встреча и он не хотел застрять в пробках Лос-Анджелеса.

А мне предстоит заключительная речь по самому важному делу в моей карьере. Зачем я только потратила мысли и время на глупый сон?

Я сбросила одеяло, свесила ноги с кровати кинг-сайз² и мысленно попыталась распланировать день. Расписание, расследование, показания, обед с Бандой. Но заключительная речь прежде всего.

Я сделала глубокий медитативный вдох, которому меня учили на бесчисленных занятиях йогой, и медленно выдохнула. Манро против Хатчинсон. Оставалось всего три часа до моего триумфального выступления, после которого я гарантированно стану партнером в юридической компании «Лоусон и Дуни».

Последние отголоски сна исчезли, как и не было.

² Королевский размер (англ.).

Я быстро приняла душ и вышла в ванную комнату, погруженную в пар, где теперь пахло моим парфюмированным гелем для душа и французским лосьоном, который Дрю купил мне во время деловой поездки в Париж год назад. Когда пар в комнате рассеялся, я подошла к своему гардеробу напротив гардероба Дрю и нашла темно-серый костюм от Армани, который выбрала накануне вечером: юбка-карандаш и аккуратный пиджак поверх розовато-лиловой блузки. Рядом, на ковре, стояли туфли-лодочки от Феррагамо из твида и кожи с Т-образным ремешком, которые я подобрала к костюму.

Я быстро оделась, нанесла макияж и собрала огненно-рыжие волосы в пучок. Серьги с разноцветными драгоценными камнями, также выбранные накануне вечером, придали яркости моему элегантно простому костюму и подчеркнули голубизну моих глаз. Капелька «Шанель № 5» за каждым ушком, и я готова.

Внизу, на кухне – в сверкающем пространстве из белого кварца и нержавеющей стали – витали ароматы кофе, яиц и одеколona Дрю. Записка, наспех нацарапанная и оставленная рядом с кофеваркой, вызвала у меня улыбку.

*«Ты будешь вне конкуренции. Ни пуха ни пера!
Твой жених».*

Мой жених. Я осмотрела бриллиантовое кольцо изумрудной огранки в три карата на левой руке. Я еще не привыкла к его весу, так как Дрю надел его мне на палец две недели назад. И до сих пор оно привлекает внимание на работе. Один судья во время предварительного слушания дела заметил сверкающий камень аж с судейского места.

Я решила никогда, никогда не надевать его перед присяжными – но, конечно, не сегодня. Видит Бог, дела выигрывались или проигрывались и за меньшую стоимость, и будь я проклята, если проиграю дело Манро против Хатчинсон из-за кольца.

Мое внимание привлекло движение за окнами, и я заметила на дороге согнувшуюся фигуру Дрю, ростом почти метр девяносто в темно-синем костюме в серебристом «Порше 911 Каррера». Я не видела наушника в его ухе, но видела, что он разговаривал с кем-то, его красивые черты лица были напряжены, придавая ему деловитости.

Я улыбнулась нежно, но сдержанно, принимая деловой вид. Отхлебнула кофе, съела три кусочка грейпфрута, затем взяла свой портфель и сумку от Фенди, которые лежали у входной двери, где я оставила их прошлой ночью. Я взглянула на часы. Шесть тридцать три. Черт. Отстаю от графика на три минуты.

Я шла по коридорам Верховного суда в центре города, стук моих каблуков эхом разносился по всему коридору. Я остановилась у двери двенадцатого отдела, где проходило слушание по делу Манро против Хатчинсон последние две недели, сделала резкий вдох и медленный выдох. Чувство волнения или предвкушения – но не тревоги – охватило меня, и легкая улыбка появилась на моих губах.

«У меня все получится».

Я открыла дверь и вошла.

Места уже были заняты, и, проходя между рядами, я слышала то тут, то там голоса, шепчущие «Леди Акула», «одаренная». Присутствовали даже представители прессы. Я смотрела прямо перед собой, но боковым зрением заметила как минимум трех журналистов. Их камеры щелкали, когда я проходила мимо.

Дон Найт, ведущий адвокат в деле, уже был там и сидел рядом со своими подзащитными, братьями Хатчинсон: двумя мужчинами средних лет, которые ерзали на своих местах и разговаривали друг с другом приглушенными голосами. Увидев меня, они оба замерли с одинаковым выражением панического страха на лицах.

Дон был темноволосым мужчиной, в очках, с добрым лицом и острым чувством юмора. Если бы мы так часто не оказывались по разные стороны в суде, я была бы не против дружбы, но после того, как я выиграла у него три дела, я была почти уверена, что он ненавидит меня. Он незаметно подошел ко мне, когда я открывала портфель, и мы пожали друг другу руки.

– Бодро выглядите, мисс Гарденер, – пробормотал он, улыбнувшись журналистам. – Бодро, как акула, почуявшая кровь.

Я улыбнулась в ответ. Фотоаппараты щелкали.

– Я на самом деле чувствую запах крови. Так любезно с вашей стороны, что вы кидаете мне наживку в этом деле.

– Будь на вашем месте любой другой адвокат, дело было

бы в шляпе, — ошетинился он.

— Вы обвиняете меня в том, что я выполняю свою работу лучше, чем вы? — парировала я. — Если бы ваши аргументы были вескими, вы были бы более доказательны. Либо вы смогли бы все уладить.

— Смог бы, — согласился он, — вот только это означало бы признание совершения проступка, которого не было.

— Не было? — я изогнула бровь.

— Мы с вами оба знаем, что ваш клиент также виновен, — он раздраженно поерзал.

— Это уже решать присяжным, а не мне.

Я не могла не обратить внимания на его стол, заваленный бумагами, показаниями в папках, приложениями к материалам дела, пронумерованными и расположенными в виде таблицы, блокнотами, почерневшими от чернил.

Я вытащила из портфеля один-единственный желтый блокнот и ручку. Больше ничего.

— Могу ли я еще что-нибудь для вас сделать, мистер Найт?

— Нет, я просто подошел поздравить, — с горечью сказал он. — Сегодня вы выиграете дело. Сделаете своего богатого клиента еще богаче, уничтожив при этом малый бизнес. Еще одно убийство Леди Акулы. Я просто надеюсь, что *вы готовы* к этому.

— Я более, чем готова, — кивнула я подбородком прессе. — Улыбнись, Дон. Никому не нравятся жалкие неудачники.

Глаза Дона расширились, и он разочарованно покачал го-

ловой. Он вернулся к своему грязному столу и двум нервным клиентам, а ко мне подошел Реджинальд Манро.

Я стряхнула с себя слова Найта, которые задели меня больше, чем я могла себе представить, и заставила себя улыбнуться клиенту. Реджинальд потянулся, чтобы поцеловать меня в щеку, но я ограничилась рукопожатием. На каблуках мой рост был почти метр семьдесят пять, и я возвышалась над маленьким волосатым мужчиной, который всегда напоминал мне опоссума в дорогом итальянском костюме.

– Мой ангелочек готов?

– Всегда готов, – сказала я, чувствуя, что сторона защиты наблюдает за мной.

– Отлично!

Реджинальд хлопнул в ладоши своими волосатыми руками, потирая их в явном предвкушении. Сапфировое кольцо на мизинце сверкнуло в свете, льющемся из окон. Я хотела попросить его снять кольцо до того, как присяжные приступят к делу, но передумала. Слова Дона Найта подали мне идею, придали вдохновения, и я поспешно набросала несколько заметок в своем блокноте. В моем деле всегда был один крошечный недостаток, который мог сбить меня с толку, но теперь, благодаря моему оппоненту, я от него избавилась. Теперь не было ни малейшего шанса проиграть это дело.

Ни единого.

Я непринужденно прошла перед скамьей присяжных, уверенно жестикулируя и стараясь вступить в зрительный контакт так, чтобы не казаться ни слишком агрессивной, ни слишком нервной.

– В заключение мистер Найт попытался пустить дым в глаза, чтобы сбить вас с толку: дымовая завеса из цифр. В частности, количество долларов на банковском счете моего клиента. Защита работала так усердно, чтобы показать вам, насколько состоятелен мистер Манро, и попытаться облегчить наказание за проступок своих клиентов. «Зачем награждать богатого человека еще большим богатством?» – спросите вы, и это как раз то, о чем они хотят, чтобы вы думали. Но я здесь, чтобы напомнить вам, что ваша работа состоит не в том, чтобы рассматривать Реджинальда Манро как набор чисел. Он – человек, пострадавший от ответчика и требующий соответствующего возмещения ущерба в глазах закона. Если бы он был сборщиком мусора, сопереживали ли бы вы ему в большей степени? А если бы он был безработным? Являются ли боль и страдания, причиненные ему компанией «Техника Хатчинсон», как-то менее значимыми просто потому,

что он сидит за рулем «Роллс-Ройса»? Ответ – нет. Вы – глаза закона, а правосудие слепо ко всему: расе, вероисповеданию, религии... и размеру кармана жертвы. Боль есть боль. Странствие есть странствие. И мы не можем позволить бизнесу избежать наказания за то, что он повлек за собой и то и другое, независимо от нашего мнения о жертве. Мы должны подать пример, ведь в следующий раз в случае, если они проявят халатность в обеспечении безопасности своих клиентов, под удар может попасть тот же сборщик мусора или мать-одиночка, работающая на двух работах. Спасибо!

Мистер Найт выдвинул контраргумент, но я его почти не слушала. Судя по выражению лиц присяжных, они тоже на это не купились. Судья Фитцпатрик дал им инструкции для обсуждения, и суд был отложен до времени вынесения вердикта.

Я не смогла избежать победного объятия Реджинальда Манро и была рада, что присяжные уже разошлись и не видели этого. Он аж приподнял меня; по-видимому, его спина чудом восстановилась с прошлой пятницы, ведь эксперт заявил, что Манро может страдать от боли до конца жизни.

– Ты ангел правосудия! – воскликнул Манро.

– Я бы так не сказала, – возразила я, высвобождаясь из его объятий.

Пресса все еще была здесь, щелкала фотоаппаратами и снимала сцену на телефоны.

– Должен сказать тебе, – продолжал Реджинальд, – когда

Джон Лоусон назначил тебя на мое дело, у меня были сомнения. Я слышал, что ты одаренная, но слышать и видеть – это разные вещи. И я увидел. Ты – настоящий герой, дорогая.

Снисходительно выделенное «дорогая» взбодорожило меня.

– Спасибо, мистер Манро. Очень мило с вашей стороны.

– Да ладно тебе. Позволь мне пригласить тебя на обед, где мы сможем обсудить услуги компании «Лоусон и Дуни» как отличный вариант для решения юридических вопросов всей семьи Манро.

Он произнес «семья», но с таким же успехом мог бы назвать ее «империей». Семья Манро была сродни Уолтонам, владельцам Уол-Март, но с процветающей сетью отелей и роскошных курортов вместо супермаркетов. Такое предложение для компании «Лоусон и Дуни» было равносильно выигрышу в лотерею.

Я заметила, что Дон Найт наблюдает за нами, и сохраняла нейтральное выражение лица.

– Я бы с удовольствием, мистер Манро, но у меня назначена встреча до обеда, которую я не могу пропустить. И кроме того, это еще не все. Присяжные должны вернуться...

– Как скромно, – фыркнул он. – Хорошо, сегодня я поужинаю один, но когда они огласят свое решение, я буду ждать на ужин тебя, Джона и даже этого тврдолобого Дуни, и я не приму отказа.

– Я позвоню вам, когда огласят вердикт, – сказала я ему

и облегченно вздохнула, когда он и его свита телохранителей-водителей покинули зал суда.

Дон Найт поравнялся со мной, когда я выходила из зала суда.

– Я идиот, не так ли? «Сделаете своего богатого клиента еще богаче». Я посадил это семя и наблюдал, как вы выращиваете из него богатый урожай.

– Вы путаете метафоры, – я слегка усмехнулась. – Получается, я теперь фермер? Я думала, что я акула, чующая кровь.

– Действовать так, будто вина моих клиентов была очевидным фактом, – очень тонкий ход.

– Я тоже так думаю.

Мы подошли к двери зала суда, и выражение лица Найта смягчилось.

– Я восхищаюсь вами, мисс Гарденер, действительно восхищаюсь. Но еще больше мне вас жаль. Боюсь, когда-нибудь вы поймете, почему.

Глава 2

Алекс

Я нетерпеливо стучала пальцами по рулю, безмолвно приказывая светофору переключиться. Мое обручальное кольцо отражало послеполуденный солнечный свет на приборную панель. Я улыбнулась, чувствуя, как напряжение покидает меня, но лишь на мгновение. Слова Дона Найта вертелись в моей голове, словно летучие мыши в пещере, и я не могла избавиться от них.

Он разрушил мой триумф. Я только что раскрыла самое важное дело в своей карьере – пока что – и оправдала ожида-

ния отца, одного из величайших судебных адвокатов в Лос-Анджелесе, пятый год как ушедшего в отставку. Теперь я вдруг почувствовала себя героиней сказки «Принцесса на горошине», лежащей высоко на куче самых дорогих матрасов и все еще испытывающей небольшой дискомфорт.

Время половина первого – на пятнадцать минут отстаю от графика. Я направилась на своем «Мини Купере» на бульвар Санта-Моника и с визгом въехала на парковку «Бельведера». Я мельком взглянула на свое отражение в зеркале заднего вида: рыжая прядь волос выбилась из прически.

«Найту было просто обидно, что он проиграл дело», – рассуждала я. Если бы у меня не было веских аргументов в глазах закона, мы бы вообще не пошли в суд. Должна ли была я сдерживаться? Стал бы Усэйн Болт пробегать дистанцию в забеге медленнее просто потому, что другие легкоатлеты не такие быстрые от природы? Это дело должно было сделать богаче и без того богатого человека, катапультировать компанию «Лоусон и Дуни» в стратосферу юридических фирм и сделать меня партнером. Но, как я уже сказала присяжным, все это внешняя оболочка. Виновен – значит виновен, и будь у Хатчинсонов более прочные стеллажи для тяжелых припасов, они бы вообще не свалились на Манро.

Тот факт, что он лазил по этим полкам и был немного пьян в десять утра, не имел значения.

Я уложила выбившуюся прядь волос в свой строгий пучок. Я не сделала ничего, что выходило бы за рамки закона.

Мой отец гордился бы мной. С этой мыслью, придавшей мне сил, я изящно вышла из кабриолета и передала ключи парковщику.

Не успела я войти, как зазвонил телефон. Это был мой ассистент.

– Эбед, в чем дело?

– Я хотел передать чек эксперту по делу Фолгейт – Роббс, он принимает только банковские чеки, а на них указано твое имя, я не могу подписать их.

Я кивнула.

– Параноик и чокнутый ублюдок, он собирается уничтожить дело Роббса *«профессиональным»* решением суда. Я пойду в банк после того, как пообедаю с друзьями.

– Понял. Могу я еще что-нибудь для тебя сделать?

Эбед был моей третьей рукой, а иногда и вторым мозгом. Не знаю, что бы я делала без него, и искренне надеюсь, что никогда не узнаю.

– Ты можешь заказать обед в «Пикнике», – предложила я ему. – Возьми из кассы на мелкие расходы.

– Серьезно?

– Не стоит так удивляться, – рассмеялась я. – Ты много работаешь и заслуживаешь гораздо большего, чем бесплатный обед.

Я услышала, как Эбед ухмыльнулся.

– Скажи это сотрудникам бухгалтерии.

Войдя в ресторан, я кивнула метрдотелю и прошла мимо

изысканного зала в оливковых и персиковых тонах, где звон столовых приборов и посуды придавал мягкости тихим разговорам. Утонченная изысканность «Бельведера» умиротворяла после шума и суеты Верховного суда.

Я добралась до открытой террасы с изящными колоннами, зелеными растениями и струящимся шелком и сразу же увидела подруг. За столиком на пять персон сидели четыре женщины, две одетые в дорогую спортивную одежду, две – в деловые костюмы. Дизайнерские сумки были пристроены у их ног, обутых в «Найк Элит» и «Живанши».

– Ты опоздала, – прокомментировала Антуанетта Филлипс, помешивая серебряной ложечкой подсластитель в своем чае со льдом. Ее волосы сияли, точно золотые нити, благодаря солнечному свету, пробивавшемуся сквозь шелковый занавес над головой. – Это что-то новенькое.

– Пробки, – я заняла свободный пятый стул за круглым столом и опустила свою сумочку от Фенди. – Надеюсь, вы заказали как обычно.

– Конечно, – Рашида Раундтри, леди в костюме кремового цвета и красной блузке, сделала знак рядом стоящему официанту и указала на мое прибытие. Она посмотрела на меня пронзительными темными глазами, слегка улыбнувшись. – Ну и где тебя носило? Неужто заблудилась в агонии страсти со своим женихом?

Я сделала большой глоток ледяной воды, прежде чем ответить. Лайла Тран сидела напротив меня, одетая в блед-

но-зеленый костюм и шелковый шарф сливового цвета. Моя лучшая подруга одарила меня сочувствующим взглядом.

– Ты же знаешь, я только с работы, – ответила я Рашиде, изображая застенчивую улыбку. – Страсть была сегодня утром.

– Секс на кухонном полу? – Антуанетта ухмыльнулась. – Так банально.

– Пожалуйста, можно не обсуждать такие личные вещи за обеденным столом? – взмолилась Минни Питман, сложив свои нежные ладошки, похожие на птичьи лапки. – Это бес- тактно.

– Только для тебя, – сказала Антуанетта. – Только не говори мне, что ты все еще заставляешь бедного Роджера за- ниматься этим при выключенном свете?

– Ты неисправима, – ошетинулась Минни, разглаживая перед своей спортивной кофты для йоги. – Просто я считаю, что рассказывать об этом – убивать романтику.

– Дай я еще раз взгляну на кольцо, – Рашида наклонилась слева от меня и рассмотрела солитер изумрудной огранки. – Потрясающе.

– Потрясающе огромный, – рассмеялась Лайла. – Я как раз собиралась попросить вас пересесть за столик под тенью. Боюсь за свое зрение.

– Не такой уж он и большой... – я закатила глаза.

Рашида фыркнула, освободив мою руку из своей смуглой, украшенной сверкающими драгоценными камнями.

– Впечатляет, но я бы подумала дважды, прежде чем надевать его ночью. Полагаю, Дрю застраховал его?

Минни подперла рукой подбородок, на ее узком лице нарисовалось мечтательное выражение.

– Расскажи еще раз, как он сделал предложение?

– А я знаю, как он сделал предложение, – сказала Антуанетта, драматично вздохнув. – Он опустился на одно колено, протянул брачный договор и ручку...

Все, включая меня, залились смехом, хотя Антуанетта понятия не имела, насколько близка была к правде.

– Мы вместе уже шесть лет, – промолвила я. – Не могу сказать, что это было неожиданностью или важным событием. Просто...

– Так было суждено, – вздохнула Минни.

– Вы подходите друг другу, – кивнула Рашида.

«Другого пути нет», – молча согласилась я и заметила нежную улыбку Лайлы. Я улыбнулась в ответ. Ей было не просто слушать все эти разговоры о браке.

Моя лучшая подруга застала своего бывшего мужа на измене с практиканткой и сразу же развелась с ним, к всеобщему сожалению.

– Все считают, что надо было дать ему второй шанс, – поделилась со мной тогда Лайла. – Мы были женаты два месяца. Пятьдесят два дня, если быть точнее, и я должна была отпустить эту ситуацию? – она откинула назад свои длинные шелковистые черные волосы и вытерла глаза. – Я не соглас-

на.

«Я недовольна Дрю», – задумалась я сейчас. Мой жених красив, добр, мягок и трудолюбив. Любая женщина в здравом уме посчитала бы его предложение руки и сердца не чем иным, как чудом. Но нашим отношениям так не хватает искорки. Небольшого огня...

– Вы с Дрю подходите друг другу во всех смыслах этого слова, – сказала Рашида в своей спокойной, практичной манере. – Из последнего, что я читала: акции «ЭллисИнтел» возросли и продолжают расти с тех пор, как Дрю включился в процесс.

– Адвокаты женятся на адвокатах, – размышляла Антуанетта. – Я не удивлюсь, если твой первенец родится с портфелем и блокнотом в руках.

– У нас не будет детей, – сказала я, когда хихикание стихло. – Мы все решили. Дрю не хочет, и я... тоже.

– Серьезно? – Минни ахнула. – Ты не хочешь ребенка? А как же семейное наследие Дрю? Разве он не хочет наследника?

– Наследника? – Лайла усмехнулась, хотя в ее миндалевидных глазах читалось беспокойство. – Неужели мы вдруг стали персонажами романа Бронте, а меня никто не предупредил?

– Мы оба слишком заиклены на карьере, – оправдывалась я. – Мы много работаем и хотим проводить отпуск, наслаждаясь свободным временем, а не гоняясь за детьми по-

всюду.

– Вот только ты не берешь отпусков, – начала Лайла, но Минни прервала ее еще одним потрясенным вздохом.

– Дорогая, для этого и существуют *нянечки*! – воскликнула Минни. – Я не могу представить себе жизнь без маленького Роджера-младшего! И мы надеемся скоро подарить ему сестру, – теперь настала ее очередь хлопать меня по плечу. – Подожди годик-другой. Уверена, ты передумаешь.

Рашида взглянула на меня.

– Ты хочешь сохранить свой коттедж в Санта-Монике? Я бы сохранила. Хотя бы ради того, что это была бы идеальная недвижимость для аренды.

– На самом деле, – сказала я, – я обсуждала с Дрю вариант его продажи. В качестве доказательства преданности. Объединение сил, если можно так это назвать.

– И?

– И Дрю предложил мне оставить его, – промолвила я, не глядя на Лайлу. – Себе. На случай, если я захочу убежать от всего. Чтобы у меня было время побыть одной, если я захочу.

– Господи, да этот человек святой, – заявила Антуанетта. – Я должна попросить его уговорить Пола купить мне собственный коттедж. *Чтобы побыть в уединении, когда захочу.*

– Я рада, что он отговорил меня от его продажи, – добавила я. – Я купила его на свои собственные деньги и горжусь этим.

И это была правда, но была еще более глубокая истина,

заклучавшаяся в том, что я предложила продать свою маленькую мастерскую вопреки неотступному предчувствию, что однажды она мне может понадобиться.

«Это просто предсвадебная болтовня».

– Исключим разговоры о наследниках и недвижимости, – сказала Антуанетта, – помолвки порождают *вечеринки*. Она приподняла свою идеально изогнутую бровь, глядя на меня. – Ты уже определилась с датой и местом проведения торжества?

– Ответ на оба вопроса – «да», – сказала я, испытывая признательность за смену темы. Я порылась в своей сумке и достала стопку приглашений. – Их должны разослать сегодня, но я могу отдать вам ваши.

– Бумажные! – воскликнула Минни. – Я так рада, что ты не отправила нелепые электронные письма. Это намного круче.

– Но менее практично, – Рашида взглянула на свое приглашение. – Частная крафтовая столовая? Очень мило.

– Сенчури-Сити? – Антуанетта вздохнула. – Ну ладно. Уже через пять недель? Осталось не так много времени.

– Следующее доступное бронирование было только в декабре.

– Неудивительно! Крафт выше всяких похвал, – проворковала Минни. – Роджер пригласил меня туда на ужин в прошлом месяце. О, Алекс, там просто чудесно. Жду не дождусь.

– Спасибо, Мин, – поблагодарила я ее. – Мы не приглашаем много людей. Семья, близкие друзья, Джон и мистер Дуни из моего офиса и еще пара коллег Дрю. Надо поторопиться. Свадьба через пять месяцев, а у нас не так много свободного времени.

– Как, черт возьми, ты собираешься спланировать свадьбу за пять месяцев и при этом работать триста часов в неделю, как ты обычно работаешь? Это выше моего понимания, – Антуанетта выудила визитку из своей сумки. – Позвони Патрисии. Она – волшебница. Она организовала нашу с Полом свадьбу, у нас было всего восемнадцать месяцев на то, чтобы спланировать ее.

Я отмахнулась от карточки.

– Моя мать уже наняла кого-то. За исключением нескольких встреч и примерок, мое расписание останется блаженно неизменным, – я улыбнулась и вилкой схватила кусочек сваренного вкрутую яйца из своего салата.

Обычно невозмутимое выражение лица Антуанетты сменилось шоком.

– Ты позволяешь своей матери планировать свадьбу? Всю?

– Конечно, нет. Я буду принимать основные решения. Мама просто расставит все по своим местам.

Антуанетта откинулась на спинку стула.

– И все же. Я бы никогда не смогла поручить столь важное событие, как организация моей свадьбы, – матери.

«Я тоже», – подумала я, но их только шокировало бы, узнай они, как мало я думала о свадьбе. В моем представлении это выглядело почти так же, как моя помолвка: дорогое празднование чего-то неизбежного. Бабочки и огоньки, о которых я всегда мечтала, когда была маленькой.

По правде говоря, я больше беспокоилась о том, как вся эта история нарушит мой рабочий график.

Я вытерла рот салфеткой и положила ее поверх недоеденного салата.

– Моя мать очень щепетильна, и времени у нее вагон и маленькая тележка. Как раз не будет сидеть сложа руки, – я посмотрела на время. – Я должна сегодня отнести эти приглашения на почту, а потом забежать в банк. – Я потянулась за кошельком. – Моя очередь?

– Нет, моя, – сказала Рашида, махнув рукой. – Ты – в следующий понедельник.

– Ах, да, – произнесла я, поднимаясь с места. – Дамы.

– Пятнадцать минут второго, – сказала Лайла. – Я провожу тебя.

– Ты в порядке? – спросила Лайла, пока мы ждали парковщика.

– Конечно. А что? – ответила я, искоса взглянув на нее.

– Во-первых, ты опоздала, а ты никогда не опаздываешь. А во-вторых, с каких это пор ты забываешь, чья очередь платить за обед?

– Не думаю, что эти два фактора дают основание считать, что что-то не так, – я рассмеялась.

Лайла скрестила руки на груди поверх бежевого блейзера.

– Не забывай, с кем разговариваешь. Перед тобой стою я, а не ее светлость Антуанетта.

Я закинула сумку на плечо.

– Я в порядке. Жду вердикта по делу Манро, который немного действует мне на нервы. Ты же знаешь, каково это.

Лайла кивнула. Она тоже была адвокатом, лучшим в своей сфере, в небольшой фирме в Брентвуде. Мало что могло ускользнуть от ее зоркого глаза, судя по тому, как она сейчас наблюдала за мной. Она выжидающе выгнула пушистую бровь.

– Мне снова приснился этот сон, – выпалила я вместо того, чтобы сказать, что все в порядке, что она слишком беспокоится за меня.

– Снова?

Я кивнула.

– Он был таким ярким. И реалистичным. Словно наяву. Я проснулась, почувствовав... возбуждение и...

– Вождение?

– Лайла! – я огляделась, чтобы убедиться, что никто не стоит под ярким августовским солнцем, подслушивая нас.

– Ну? Ради всего святого, ты же человек. В этом нет ничего зазорного.

Я почувствовала, как краснею, но Лайла была единственным человеком, который знал о наших с Дрю... *трудностях*. Не то чтобы это вошло у меня в привычку, но мне всегда становилось немного легче после разговора с ней. И мне было достаточно неловко от того небольшого, что она знала. Если бы она знала всю правду...

– Это не имеет значения, – промолвила я. – Дрю уже принял душ и оделся, когда я проснулась, и я бы опоздала в суд, если бы мы...

– Занялись сексом? – Лайла надула щеки. – Ты даже не можешь произнести это вслух.

Я проигнорировала ее слова.

– Он много работает. Он должен, если хочет стать начальником юридического управления. Я уверена, что он просто слишком устает... почти каждую ночь.

– Почти каждую ночь, – усмехнулась она. – Каждую ночь. Он всегда слишком устает. Он всегда работает, так же как и ты, – Лайла спокойно, но решительно взяла меня за руку. – А теперь эти разговоры о том, чтобы не иметь детей? Что все это значит? Это идея твоей матери?

– Правда, Лайла. Позволь мне самой разобраться с этим,

ладно? Я взрослая женщина...

– Помнишь наши разговоры об идеальной жизни, когда мы учились в школе? Стать адвокатом, как твой отец, было задачей номер один. Но стать хорошей матерью, быть рядом со своими детьми и не повторять судьбу своей матери – всегда было твоим следующим приоритетом. Всегда.

– Это было в школе, Лайла, – оправдывалась я. – А еще я мечтала выйти замуж за Чада Дюранта и каждое лето отдыхать на Фиджи, чтобы любоваться тем, как он занимается серфингом. Я выросла. Времена меняются.

Парковщик подогнал «БМВ» Лайлы.

– Да, времена меняются, – она смягчила тон. – Они могут измениться. Просто помни, что когда ты задумаешься об этом, будет уже слишком поздно.

Она ушла, оставив меня обдумывать ее слова. Раздражение вдруг нахлынуло на меня. Сначала Дон Найт, а теперь Лайла. Сегодня должен был быть день моего триумфа, а вместо этого меня извели нотациями.

– Моя машина еще не готова? – рявкнула я на парковщика. – Вы сбиваете мне график.

Глава 3

Алекс

Я вошла в высотное здание банка United One Bank, стуча каблуками по мраморному полу. Я выдавила едва заметную улыбку тучному охраннику, но улыбка быстро улетучилась, когда я увидела, что половина населения Лос-Анджелеса тоже решила воспользоваться банковскими услугами в обеденное время.

– Черт.

Стойка кассира из красного дерева была полна персонала и занимала половину помещения. Ряды столов справа, на

которых стояли лампы с зелеными абажурами, были заняты банкирами и клиентами, пришедшими обсудить кредиты или ипотеку. Зал ожидания перед этими столами также был заполнен людьми. В помещении с высоким потолком эхом отдавались по меньшей мере пятьдесят голосов.

Я заняла свое место в очереди к кассиру за высоким блондином в джинсах и грубой коричневой куртке. Аромат духов донесся до меня, когда красивая, безупречно одетая молодая женщина индийского происхождения встала в очередь за мною. Она оживленно разговаривала, казалось бы, сама с собой, ее наушники были спрятаны под волосами, доходившими до плеч.

Я устроилась поудобнее, в ожидании раздумывая, не позвонить ли Эбеду, чтобы убедиться, что с делами все в порядке. Но он хорошо меня знал и сообщал мне все новости сразу, не дожидаясь, пока я приеду в офис. Я проверила сообщения на телефоне, но новых не обнаружила. Ни слова ни от моей команды, ни от судебного секретаря. Вердикт еще не вынесен.

Я облегченно вздохнула, но тут же снова напряглась, обнаружив, что не заполнила никаких бланков, или что там еще, черт возьми, нужно, чтобы получить банковский чек со счета моей фирмы.

«Разве сейчас не все банковские операции электронные?» — задумалась я, а раздражение все нарастало.

Очередь позади меня росла, а впереди оставалась преж-

ней. Я жестом попросила молодую женщину позади меня приглядеть за моим местом. Не прерывая разговора, она кивнула и отстраненно помахала рукой, на которой сверкало золотое кольцо. Я поспешила к стопке бланков, схватила один и вернулась в очередь с благодарной улыбкой.

Но мне не на чем было писать. У мужчины, стоящего передо мной, была широкая спина.

«Возможно, он позволил бы мне воспользоваться им в качестве письменного стола».

Я ухмыльнулась, любуясь телосложением мужчины. Широкие плечи, узкая талия. Джинсы сидели на нем довольно хорошо.

«Классная задница», – подумала я, и от этой мысли самый настоящий ярко-красный румянец колко окрасил мою шею.

«Взрослей уже», – посмеялась я над собой. Я порылась в сумке и вытащила небольшую стопку приглашений на помолвку; плотной неподвижной поверхности будет достаточно в качестве подложки. Я достала ручку и начала заполнять бланк вывода средств, когда женщина позади меня внезапно рассмеялась и задела мой локоть. Небольшая стопка конвертов вылетела из моих рук и рассыпалась у наших с впереди стоящим мужчиной ног.

– Простите, мне так неловко, – пробормотала она мне, продолжая разговаривать по телефону.

– И мне, – пробормотала я и опустилась на колени, чтобы собрать конверты.

Блондин, что стоял передо мной, обернулся и опустился на колени, чтобы помочь.

– Спасибо.

– Не за что.

Я подняла глаза и чуть не ахнула. Я очень не хотела, чтобы это повторилось, но услышала резкий вдох, и моя шея снова покраснела. Я почувствовала, как его огненное дыхание обжигает мою бледную кожу.

Привет, красавчик.

Лицо, склонившееся так близко ко мне, отличалось мужественной красотой, с волевым, точеным подбородком, полными губами и, что самое удивительное для светловолосого мужчины, темно-кариими глазами, умными и добрыми. Я почувствовала его свежий аромат – пахло лосьоном после бритья и чем-то вроде свежесрубленной древесины, – и мне показалось, что этот аромат поселился в моей груди навсегда, теплый и мощный.

«Ох, ты сейчас ведешь себя очень глупо».

– У меня что-то застряло в зубах? – весело спросил молодой человек. Его голос был глубоким, хриплым...

«Сексуальным».

Я мысленно тряхнула себя за плечи и собрала оставшуюся часть рассыпанных конвертов.

– Нет, я просто... Мне показалось, что я вас где-то уже видела. Вы актер?

– Вовсе нет, – он состроил гримасу.

– Ну, никогда нельзя сказать наверняка. И вы очень похожи на них. Актеров.

«Или модель. Господи, эти глаза...»

Он пожал плечами и усмехнулся.

– Думаю, что я похож на себя самого.

Я улыбнулась ему. *«Хороший ответ»*. Я никогда – ни на экране, ни в реальной жизни – не видела такого красивого мужчину. Будь я романтиком, что мне совсем не свойственно, эпитет *«умопомрачительный»* не был бы преувеличением.

Мы оба поднялись с пола. Его взгляд потеплел, но он, казалось, застыл на мгновение, увидев мой костюм, мои украшения, мою сумку. Он провел рукой по непослушным светлым волосам и протянул мне собранные конверты.

– М-да. Вот, держи.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– Пустяки.

Он повернулся ко мне спиной, и я удивилась легкому разочарованию, охватившему меня.

«Сосредоточься, Гарденер, – твердила я себе. – Судья Киркпатрик может позвонить в любой момент».

Не успела я подумать об этом, как мой айфон уведомил о входящем сообщении от Эбеда. Я попросила его, чтобы после обеда он ждал у здания суда на случай, если произойдет что-нибудь важное.

Председатель обратился к присяжным с предложением

нием пересмотреть еще раз улики 14 и 23.

– Черт.

Эти улики – токсикологическая экспертиза Манро и показания свидетеля, который видел, как этот идиот взбирался на полку, чтобы добраться до медной дверной ручки, которая ему даже не была нужна. Это было самое уязвимое место в моем деле. Я хотела узнать у своего ассистента, когда завершится рассмотрение дела, но, конечно, он не мог сказать наверняка.

Я написала: **«Спасибо. Держи меня в курсе дела»**, и бросила телефон обратно в сумку вместе с приглашениями.

Блондин передо мной нетерпеливо вздохнул и посмотрел на свои красивые серебряные часы с потрепанным кожаным ремешком. Он провел рукой по волосам и повернулся ко мне.

– Мне одному кажется, что очередь даже не движется?

– Нет, – сказала я, упорно игнорируя легкое покалывание, которое вспыхнуло у меня в животе при звуке его низкого, обольстительного голоса. Я откашлялась. – Похоже, им не хватает пары работников на должность кассиров.

– Или десять. Вот дерьмо, – пробормотал он, затем поднял на меня извиняющийся взгляд. – Прости за грубость, просто у меня еще не было такого... дня.

– Дерьмового? – добавила я, усмехнувшись.

Он рассмеялся, и напряжение на его лице немного ослабло. Я изо всех сил старалась не плясать. Если от одного его

вида захватывало дух, то для того, чтобы описать, как он выглядел, когда улыбался, не было подходящего слова.

– Кстати, я Кори Бишоп.

Он протянул мне руку, и я пожала ее. Она была большой, грубой, черствой. Это были руки рабочего человека.

– Александра Гарденер, – представилась я. – Алекс.

– Приятно познакомиться, Алекс, – сказал он, и, казалось, его улыбка стала еще мягче при произнесении моего имени.

Я закинула сумку на плечо, пытаясь выиграть время для ответа. Еще ни один мужчина не оказывал на меня подобно-го влияния, и я разозлилась на себя за то, что позволила ему это.

– Когда спешишь, всегда много народу, и светофоры всегда горят красным, когда опаздываешь. Закон Мерфи.

– Законы – твоя специальность?

– Нет, судебные дела. Как ты узнал?

– Что ты юрист? – он пожал плечами. – Просто догадался. В основном здесь бывают юристы и бухгалтеры. Или кино-продюсеры.

– Или актеры, но мы уже установили, что ты не один из них, – сказала я, не подумав.

Улыбка Кори стала натянутой.

– Нет. Я в этом районе по работе, и мне понадобился банк. Похоже, я выбрал не тот.

Он нетерпеливо раскачивался в своих рабочих ботинках, засунув руки в передние карманы джинсов. Я думала, что

разговор окончен, но он все еще стоял вполоборота ко мне.

«Нет ничего плохого в светской беседе. Помогает скоротать время».

Хорошее оправдание. Убедительное. Я и не против. Но простой факт оставался фактом: я хотела говорить с ним, продолжать смотреть на его красивое лицо и доказать себе, что могу делать это, не растаяв.

Я надела «судебную» маску, ту, что надевала, когда не хотела, чтобы кто-то видел, как очевидность происходящего обрушивается на меня.

– Так чем же ты занимаешься?

– Да так, строительством. Подмастерье. Что-то вроде стажера генерального подрядчика, – объяснил Кори, заметив мой растерянный взгляд. – Сначала надо потратить кучу времени на это, прежде чем самому стать подрядчиком.

– Подмастерье. Никогда раньше не слышала этого термина, – сказала я. – Звучит довольно необычно. Кочевнически, я бы сказала.

– Возможно, но это не совсем так. Ну по крайней мере, если не считать кочевых поездок на стройплощадки.

Очередь продвинулась вперед на одного человека. Я заметила, что мы с Кори теперь стоим бок о бок.

– Чем именно занимаются юристы? – спросил Кори. – Судиться... значит спорить, верно?

– Да. Я судебный юрист. Я специализируюсь на вреде, причиненном жизни или здоровью, и врачебной халатности.

Он почесал легкую щетину на щеке.

– Значит, если у кого-то взорвется кардиостимулятор, ты будешь там, чтобы выиграть им немного денег?

Я рассердилась, услышав, как о моей работе говорят таким скучным тоном и только в денежном выражении, даже если деньги – это то, к чему она зачастую и сводилась.

Я выпрямилась во весь рост, но доставала Кори только до подбородка.

– Что-то вроде этого.

По его лицу будто бы пробежала тень.

– Тебе, случайно, не приходилось заниматься семейным правом?

– Нет, но в моей фирме есть адвокат, которому приходилось, – я склонила голову набок, изучая обеспокоенное выражение лица Кори. – Дать тебе его номер телефона? – мягко спросила я.

– Нет. Все в порядке, спасибо, – отказался Кори, хотя у меня сложилось впечатление, что он хотел сказать совсем другое.

Очередь медленно двинулась вперед, и между нами повисло молчание. От нечего делать я проверила свой телефон на наличие новостей от Эбеда. Ничего.

– Отсутствие новостей – уже хорошая новость, не так ли? – сказал Кори, наблюдая за тем, как я кладу телефон обратно в сумку.

– Не в этот раз, – ответила я. – Короткое совещание при-

сязных обычно означает обвинительный приговор.

– У тебя сейчас процесс судебного разбирательства?

– Сегодня были заключительные прения.

– А если они вынесут обвинительный приговор, принесет ли тебе это выгоды?

– Да, – сказала я. – Еще какие. Это, наверное, самое важное дело, за которое я взялась, с точки зрения... эм... вознаграждения, – я отмахнулась от последнего слова. – Как бы там ни было. Я жду звонка со словами: «Совещание присяжных окончено».

– Могут написать в любое время?

– Чем скорее, тем лучше.

– Ну, если тебе позвонят и придется отойти, я присмотрю за твоим местом в очереди. Но сомневаюсь, что она сдвинется с места.

– Я тоже, – рассмеялась я.

Он улыбнулся в ответ. Кондиционер в банке усердно боролся с летней жарой Лос-Анджелеса, но мне было тепло. И хорошо. Было приятно стоять рядом с этим красивым мужчиной и наслаждаться его улыбкой. Я почти постоянно была в бизнес-режиме: на работе, в здании суда, даже в компании друзей, – наши беседы часто напоминали спарринги, а не дружескую беседу.

Но сейчас мне стало так легко, будто с меня сняли оковы. Я занималась йогой четыре раза в неделю, чтобы стресс от работы не душил меня. Разговор с Кори Бишопом в течение

пяти минут имел точно такой же эффект.

Мы стояли в уютном молчании, и я оглядывалась по сторонам, прежде чем решиться снова встретиться с ним взглядом. Я поймала его взгляд на себе, в его глазах виднелось мое отражение, затем он ухмыльнулся и потер затылок. Такой застенчивый, очаровательный и красивый.

«Он прекрасен», – снова подумала я. С этим не поспоришь. И точка.

Моргнув, я поняла, что темные глаза Кори пристально смотрят в мои, что заставило мое сердце дрогнуть.

– Эй, послушай... – заговорил он, но остановился. Застыл, словно потерял дар речи. Его глаза расширились при виде чего-то за моим плечом. Я хотела обернуться, но он с силой схватил меня за плечи и грубо затащил за спину.

Я споткнулась на каблуках.

– Какого черта ты делаешь?..

Петли стеклянной двери банка задрожали, я обернулась и с потрясенным, отстраненным интересом увидела, как около шести мужчин ворвались внутрь. Они были одеты в темную, невзрачную одежду, их лица были скрыты за масками монстров, как в Хэллоуин. У каждого на плече висело огромное черное оружие, которое они сжимали руками в перчатках.

Визг, вызвавший хор криков, эхом разнесся по просторам банка, когда один из монстров ударил прикладом своего оружия в живот охранника.

Время замедлилось, будто кто-то произнес некое заклинание.

вание, превратившее мир в заторможенный хаос. Внезапно меня бросило в холодный пот. Мое сердце, словно пушечное ядро, билось с такой силой, что готово было выскочить из груди, и я сжала руку Кори в тиски. Я чувствовала прикосновение грубой джинсовой ткани его куртки. Чувствовала кожей. Это помогло мне бороться с нереальностью происходящей сцены, разворачивавшейся у меня на глазах.

Кори повернулся ко мне. Я увидела, как в его темных глазах вспыхнул страх, но в них также виднелась суровая решимость.

– Ложись! – крикнул он, словно магическое заклинание в замедленном темпе. – Ложись сейчас же!

Внезапно нормальное течение времени восстановилось, и я услышала крики, топот ног и плач. Но я не могла пошевелиться. Я стояла как вкопанная. Кори схватил меня, и внезапно я оказалась на животе, прижатая лицом к холодному полу, моя рука все еще сжимала его руку. Теперь мое сердце буквально выскакивало из груди.

Всего несколько секунд – растянутых и искаженных ужасом, который я и подумать не могла, что испытаю... Я набрала в легкие воздуха, чтобы успокоиться... Надо мной и вокруг меня вооруженные люди, ворвавшиеся в банк, размахивали своим огромным оружием, крича, ругаясь и нанося удары людям, которые не повиновались либо делали это недостаточно быстро.

– Дамы и господа, – крикнул один из них сквозь свою

вампиρскую маску, расхаживая среди массы съежившихся от страха людей. – На случай, если до вас долго доходит, то это гребаное ограбление.

Глава 4

Алекс

Я пыталась успокоить свое учащенно бьющееся сердце глубокими вдохами, чувствуя, что оно вот-вот взорвется в моей груди. Моя левая рука дрожала, а правая так крепко сжимала руку Кори, что я думала, что никогда не смогу ее высвободить.

Когда крики прекратились и остался только тихий плач, я услышала слева от себя паническое дыхание молодой индианки, хотя у меня не было ни малейшего шанса повернуть голову и посмотреть. Ледяной страх словно пригвоздил ме-

ня к полу банка, будто невидимая рука давила на меня так, что я едва могла дышать.

Вооруженные люди в масках как в Хэллоуин бросились врассыпную. Крики и брань доносились из-за кассы банка, в то время как остальные мужчины проходили между съежившимися на полу людьми, приказывая не делать глупых движений и не геройствовать.

Я съежилась; раздались крики, когда один грабитель нанес тяжелый удар мужчине у столов. За кассой банка закричала женщина, и раздались злобные выкрики. Несмотря на не самый удобный ракурс, я увидела парня в маске оборотня, стоящего спиной к входной двери, преграждающего вход, на шухере.

Человек в маске вампира, который объявил об ограблении, расхаживал между нами.

– Если я увижу, что кто-то пишет СМС, звонит или делает еще какие-нибудь глупости, чтобы сообщить властям о нашем присутствии, я вам руки переломаю. Не усугубляйте свое положение.

Даже сквозь маску Дракулы, с бледной эластичной кожей и окровавленными клыками, голос мужчины звучал спокойно, холодно, почти скучающе.

Он вскинул голову в сторону другого вооруженного грабителя в маске болотной твари, который пристально смотрел на секундную стрелку огромных настенных часов над дверью.

– Время?

– Сорок восемь секунд.

Дракула кивнул, и я с желчью, подступающей к горлу, наблюдала, как он подошел к женщине, лежащей по другую сторону Кори в нескольких метрах от меня. Он опустил свой армейский ботинок на руку женщины. Хруст ломающихся костей раздался за долю секунды до того, как она закричала.

Мужчина отшвырнул ногой ее разбитый мобильный телефон, а женщина свернулась в клубок, держась за руку и корчась от боли.

– Глупышка, – пробормотал Дракула. – Я же сказал, что произойдет, если я поймаю вас за какой-нибудь глупостью. Дальше – хуже. Следующий, кто ослушается меня, получит пулю. Если не верите, что я отвечаю за свои слова, спросите эту тупую сучку прямо сейчас.

Он произнес все это холодным, бездушным голосом. Даже оскорбления были произнесены с отстраненностью и скукой.

Он присел на корточки рядом с женщиной.

– Или я лгу?

– Н-нет.

– Усекла, – он погладил ее по голове, и выглядело это почти так же отвратительно, как то, когда он сломал ей пальцы. Он встал и продолжил расхаживать. – Время?

– Минута двадцать восемь, – сообщила Болотная Тварь.

Кори встретился со мной взглядом, будто связываясь со мной таким образом. Мне удалось едва заметно кивнуть. Мы

лежали лицом друг к другу, не смея пошевелиться, хотя я хотела посмотреть, все ли в порядке с женщиной слева от меня. Наверное, так оно и было. Ее учащенное дыхание восстановилось.

На самом деле это было затишье перед бурей. Ограбление происходило где-то за кулисами, и я думала, что все почти завершилось и мы все выберемся отсюда с минимальными травмами и без жертв.

Как я ошиблась.

– Эй, Драк.

Другой грабитель в маске мумии, на этот раз с автоматом поменьше, похожим на «Узи», пробрался между лежащими клиентами банка.

– Фрэнки, тупой ублюдок, вырубил менеджера, которая врубила сигнализацию.

– Три минуты, – крикнула Болотная Тварь, и в его приглушенном голосе послышались нотки паники. Раздался звук приближающейся сирены. – Вот дерьмо.

– Прекрасно, – сказал Дракула. – План Б. Предупреди остальных. – И когда Мумия быстрым шагом вернулся в соседний кабинет, он обратился к присутствующим: – Вы слышали, леди и джентльмены? Планы изменились.

Я вздрогнула и подавила крик, когда погас свет. Раздались испуганные крики людей. Оборотень, стоявший у двери, опустил жалюзи, в то время как другой грабитель подбежал со связкой звенящих ключей. Парадные двери были

заперты, заблокированы, и сирена, доносившаяся издалека, теперь стала громкой, совсем рядом.

Буря началась. Паника, словно электрический ток, прошла по людям, проникая сквозь наши сплетенные руки и скрюченные тела. Я крепче вцепилась в куртку Кори, а женщина слева от меня нашла мою руку и сжала ее. Я сжала ее руку в ответ. Кори вскинул подбородок, и я оторвала взгляд от людей в масках и их оружия, чтобы взглянуть на него. Едва заметным движением он покачал головой, и тень кривой улыбки коснулась его губ.

– *Спокойно*, – одними губами произнес он.

Я едва заметно кивнула и снова попыталась успокоиться.

Пристальный взгляд карих глаз Кори помог мне. Главарь стянул с себя маску Дракулы, открывая лицо. Он зашагал между людьми, его голос стал яснее, но звучал так же безэмоционально, как и раньше. Когда он повернулся в мою сторону, я увидела мужчину лет под сорок, довольно некрасивого, с голубыми глазами, такими же невыразительными, как и его голос.

Я никогда в жизни не видела ничего более страшного, чем эти безжизненные глаза.

– Слушайте сюда, – сказал он. – Сейчас все встанут на ноги, пригнутся и пройдут назад. Сделаете какую-нибудь глупость – мы без колебаний прикончим вас. Понятно? Поднялись! Сейчас же! Живо!

Пятеро мужчин начали кричать, пинать и толкать людей,

когда те поднимались с пола. Кори взял меня за руку, а я, в свою очередь, помогла индианке подняться на ноги. Мы втроем последовали за остальными, нас завели в узкий коридор, который простирался сразу за стойкой регистрации и шел параллельно банкоматам. Нам приказали сесть спиной к длинной стене коридора, лицом к конференц-залам и небольшим кабинетам.

Справа от меня сидел Кори, слева – молодая женщина, и еще около пятидесяти людей, которые также выбрали неподходящий день для посещения банка United One. Так как коридор был недостаточно длинным, грабители приказали половине людей сесть вдоль противоположной стены, лицом к нам. Незнакомцы, съехившись, прижались друг к другу под светом люминесцентных ламп – тут свет оставался включенным.

Дракула спокойно прошел между людьми, как будто в этот момент за стенами банка не было половины полицейских Лос-Анджелеса и, возможно, отряда S.W.A.T.³

– Итак, расклад такой. Будем знакомиться ближе. Оборотень и Фрэнки будут просить у вас в качестве «угощений» мобильные телефоны и украшения. Положите эти предметы в их сумки, без всякого дерьма, потому что дерьма от вас мы терпеть не будем. Только «угощения», и никаких фокусов. Ситуация изменилась. Сейчас мы немного напряжены. Нервничаем. Делайте, как вам велят, и возможно, серое ве-

³ S.W.A.T. – подразделение в американских правоохранительных органах.

щество останется там, где ему и место, между ушами. *Не испытывайте нас.* Все ясно?

Прежде чем кто-либо успел ответить, в одном из кабинетов дальше по коридору раздался телефонный звонок.

– Прошу прощения, – сказал Дракула, – это меня.

Он подошел к телефону, в то время как двое грабителей подходили к людям, отбирая у них кошельки, часы, кольца и сотовые телефоны.

Я быстро покрутила свое обручальное кольцо так, чтобы была видна только тонкая золотая полоска. Я не знаю, зачем, ведь это был глупый риск, но я не хотела так просто сдаваться.

– Всю сумку, принцесса, и поскорее! – крикнул парень с белым мешком для мусора и в маске монстра Франкенштейна – Фрэнки – индианке слева от меня. Я обратила внимание, что рябая кожа его шеи над рубашкой была забрызгана небольшим количеством чьей-то алой крови, а глаза его за зеленой маской были широко распахнуты и полны злорадства.

Индианка бросила свою сумку от Коач в мусорный мешок.

– Золото тоже, – заржал Фрэнки. Его широко распахнутые глаза метнулись ко мне. – И ты, рыжая. Камни, сумка, все такое.

Я сняла часы, серьги и ожерелье и бросила их в сумку. Мой кошелек вместе с телефоном отправились следом. Фрэнки все это время бесстыдно пялился на меня.

Дело сделано. Индианка снова сжала мою руку, скрывая мое обручальное кольцо. Огромный бриллиант на внутренней стороне моей ладони больно уперся в средний палец, но Фрэнки этого не заметил. Теперь он сидел на корточках перед Кори, подпрыгивая, как нетерпеливый маленький ребенок.

«Наркотики, – подумала я. – Он под кайфом от наркотиков и вооружен смертоносным оружием».

Я схватила Кори за руку, когда Фрэнки усмехнулся, что-то ему пробормотав.

– Ты хочешь доставить мне неприятности, здоровяк, не так ли? По глазам вижу.

Ничего не сказав, Кори положил свой потертый кожаный бумажник в сумку. За ним последовали часы и телефон.

– И это все, что у тебя есть?

Злорадство в глазах Фрэнки померкло. Голос за маской стал омерзительным в мгновение ока.

– Твоя рожа заставляет меня думать о применении жестокости, ты знаешь это? Следи за собой, придурок.

Затем он снова захохотал. От его развязного и неуравновешенного тона меня бросало в дрожь. Он двинулся дальше. Кори взглянул на меня, одарив легкой ободряющей улыбкой, которая исчезла, как только Дракула вернулся в коридор.

– Плохие новости, дамы и господа. Похоже, власти не позволят нам выйти через парадную дверь с сотнями тысяч их долларов. Прикиньте. Это значит, что на кону теперь ваши

бошки. Вы не представляете для них такой ценности, как их бабки, так что, возможно, нам придется на примере одного или нескольких из вас показать им, насколько глупы их действия.

Волна паники прокатилась по коридору. Фрэнки поднял оружие:

– Заткнитесь на хрен!

Грабитель в маске Зомби подошел и что-то пробормотал Дракуле, тот кивнул.

– Ладно, давай разделим их. Пусть Фрэнки, Оборотень и Болотная Тварь посидят с детьми, а ты отправляйся с остальными на передовую. Как обстоят дела со стратегией выхода?

– Дэн, то есть Мумия, работает над этим.

– Держи меня в курсе.

Он посмотрел на троих грабителей, «охраняющих» нас.

– Уберите их сейчас же. К любому, кто выйдет из строя, применять силу, но не стрелять без надобности.

«Без надобности. Без. Надобности. Без...»

Я сжала руку Кори. Либо так, либо кричать.

Глава 5

Алекс

Кори, индианку и меня провели в небольшой конференц-зал вместе с пятью другими людьми: молодой латиноамериканкой лет двадцати, двумя пожилыми мужчинами и двумя женщинами средних лет. Нам восьмерым велели сидеть на полу, на тонком ковровине лицом к задней стене. В передней стене было длинное окно, открывавшее вид на коридор, откуда мы пришли. Люди в масках монстров топали назад и вперед, забирая оставшихся клиентов банка в другие кабинеты и залы.

У меня внутри все сжалось, когда я увидела, что забрызганный кровью наркоман в маске Франкенштейна был назначен нашим охранником. Дракула был непредсказуемо опасен. Как змея, греющаяся на солнце, готовая напасть. Фрэнки же был похож на бомбу замедленного действия, готовую взорваться в любую секунду.

Фрэнки разбил компьютер на столе, затем телефон, отключив все каналы связи, а затем зашаркал и заплясал перед нами, ухмыляясь, как будто ему было известно нечто очень забавное, пока Оборотень не пришел и не сказал ему стоять на страже *снаружи*.

Фрэнки высунул свой мерзкий пожелтевший язык через дыхательное отверстие в маске и вышел за дверь.

Восемь заложников вздохнули с облегчением, когда его уставившийся на нас взгляд скрылся за дверью. Мы неуверенно переглядывались. Один мужчина, крупный, лысый, с торчащими щетинкой усами и в помятом, но дорогом костюме, нахмурился и указал пальцем на каждого из нас.

– Давайте кое-что сейчас проясним, – театрально прошептал он. – Никто из вас не надевает глупостей, из-за которых нас могут убить. Я читал о подобных ситуациях. Скрипящее колесо не получит смазки. Оно получит пулю в лоб.

Самая молодая девушка в группе тихо застонала в ответ, а другой мужчина с высоким вдовьим козырьком⁴ и в очках

⁴ Вдовий козырек – форма прически, волосы, растущие над самым лбом в форме латинской буквы V. Похоже на форму передней части шляп, которые в Ан-

скорбно покачал головой.

– Эй, – прошептал Кори. – Давайте прекратим этот разговор, ладно?

Лысый мужчина фыркнул.

– И что, нам теперь делать вид, что все прекрасно?

– Нет конечно. Просто нам всем нужно держать себя в руках и делать то, что они говорят. Но мы не...

– Мы не нуждаемся в ваших приказах, – с кислым лицом бросила лысому мужчине женщина средних лет, сидевшая справа от Кори. Она наклонила голову в сторону Фрэнки, расхаживавшего за закрытой дверью. – У нас и так дел по горло.

Глаза лысого мужчины расширились, и он открыл рот, чтобы возразить.

– Давайте все успокоимся, – вмешалась я. – Мы все в одной лодке, до тех пор пока власти не вытащат нас отсюда. А они вытащат, – добавила я, в большей степени, чтобы успокоить молодую латиноамериканку, которая шмыгала носом в углу слева от меня. – Почему бы нам не познакомиться? – Я посмотрела на лысого мужчину. – Сэр?

Мужчина скупое оценил проявленное уважение.

– Рой Джефферсон Моргенштерн. Занимаюсь хедж-фондами и управлением капиталом.

– Я Таня Стинсон, работаю в буфете в Бёрбанке, – сказала женщина средних лет, сидевшая рядом с ним, высокая,

стройная, в пышной одежде.

– Я-я Сильвия Флорес, – шмыгая носом, произнесла де-вушка в углу. – Я... няня.

Следом представились я, Кори, затем американка индийского происхождения, которая раньше сидела слева от меня, но предпочла сесть справа от Кори, так что он оказался между нами.

– Меня зовут Амита Патель, мой отец, Индра Патель, очень влиятельный человек в Мумбаи, – сказала она, держа одну руку у уха, под волосами.

– Думаешь, это имеет значение? Они получили свои деньги, принцесса. Мы – просто гарантия, которая им сейчас нужна. Ты попала так же, как и все мы, – фыркнул Рой.

Амита проигнорировала его, сосредоточенно уставившись в точку на полу.

– Да, П-А-Т-Е-Л-Ь, – произнесла она. – В Мумбаи.

Глаза Роя округлились, а затем он хлопнул в ладоши.

– Да она сумасшедшая. Замечательно. Меня заперли вместе с психом...

Молчаливая пожилая женщина в правом углу рявкнула на Роя, пытаясь заткнуть его.

– Я Кэрол Брэдфорд, врач на пенсии, и если мне придется слушать вашу бурную чушь весь день, я попрошу этого сумасшедшего молодого хулигана избавить меня от страданий сейчас же, – она повернулась к мужчине справа от нее. – Итак. Вы. Вы кто?

– Э-э, я... Я Гил. Гилберт Корман, – ответил лысеющий мужчина дрожащим от страха голосом. – Я фармацевт.

– Все будет хорошо, Гил, – сказал Кори, после чего последовало очередное фыркание от Роя.

– Какой же это бессмысленный разговор, который никому не поможет, – сказал он, прислоняясь всем телом к стене.

– Уж получше, чем твоя пустая болтовня, – прошипела Кэрол.

– Что же теперь будет? – спросила Таня. – Полиция здесь, верно? Они ведь вытащат нас отсюда?

– Сначала они проведут переговоры, – заявил Рой так, будто у него был богатый опыт на тему захвата заложников. – И если грабители не получают того, чего хотят, в ход пойдет единственный инструмент, который у них есть, – мы.

– Я видел фильм, – сказал Гил, то и дело потирая руками колени. – *Собачий полдень*, кажется. Грабители всегда хотят найти выход, а копы хотят их задержать. По-другому никак. Они не могут их отпустить.

– А это значит, что нам конец, – сказал Рой.

Сидевший рядом со мной Кори напрягся.

– Слушай, мужик, заканчивай! Незачем пугать всех до усрачки еще сильнее.

«Куда уж сильнее...»

Ненавижу терять над собой контроль. Страх впился мне в живот, как гадюка. Пока все знакомились, я практиковала дыхание йогой, чтобы загнать страх в угол, и теперь чувство-

вала себя лучше. Больше самоконтроля.

– Отряд S.W.A.T. сейчас находится за этими стенами, – сказала я группе своим «судебным» тоном; тем тоном, на который я полагалась, когда свидетель становился слишком эмоциональным и рисковал поставить присяжных в неловкое положение. – И ФБР. Это здание окружено, схемы изучаются, снайперы занимают позиции, – я посмотрела на Роя. – Да, именно переговорщик, по всей вероятности, позвонил Дракуле. Он собирается разговорить его, измотать, добыть информацию. Они будут работать круглосуточно, используя лучшую технологию и психологию, что у них есть. Мы просто должны соблюдать спокойствие, делать то, что говорят преступники, и ждать, пока профессионалы нас вытащат. Ладно?

Все кивнули, а Рой погрузился в угрюмое молчание. Кори посмотрел на меня с восхищением.

– Откуда ты все это знаешь? Тоже смотришь много фильмов про полицейских?

– У меня был клиент, бывший агент ФБР. У него было несколько безумных историй.

– Ты хорошо справилась, – Кори посмотрел на наших братьев по несчастью, которые теперь, кажется, успокоились.

– Спасибо, – сказала я, пораженная тем, что даже в этой ужасающей ситуации похвала от Кори нашла отклик в моем сердце.

Я хотела продолжить разговор с ним, но не я одна. Ами-

та принялась болтать с Кори – а точнее, монополизировать его, – и в течение следующего часа я была предоставлена самой себе.

Что бы ни происходило между грабителями банка и полицией, нас пока не трогали. Время шло, и хотя я и подумать не могла, что такое возможно, но сильный страх уступил место скуке.

Кэрол свернулась калачиком, чтобы вздремнуть, и я решила последовать ее примеру. Я попыталась устроиться поудобнее, но пол был таким же твердым и жестким, как и стена.

Кори заметил, что я пытаюсь найти удобное положение для головы. Он похлопал себя по левому плечу.

– Располагайся.

– Я бы с удовольствием, но все же надо быть начеку, – слабо улыбнулась я.

– Наверное, ты права, но, похоже, Кэрол так не считает, – он кивнул на пожилую женщину, чей тихий храп наполнял комнату. – Она – крепкий орешек.

– Защитный механизм, – сказала я.

– С чего ты взяла?

– Когда отбираешь большое количество присяжных, появляется чутье на людей. Начинаешь понимать, что они собой представляют.

– Ах, вот как? – Кори придвинулся ко мне. – Думаешь, она притворяется спящей?

– Возможно. Думаю, она притворяется сильной, чтобы скрыть свой страх, но сейчас она просто нашла лучший и единственный вариант из всех, что у нее есть, – я пожала плечами. – Либо я сильно ошибаюсь, и ей просто действительно нужно вздремнуть. Как и мне. Быть напуганной до смерти – изнуряет.

– Да, думаю, ты права, – сказал он. – Хорошо, так как насчет нас?

Мое сердце почему-то слегка подпрыгнуло от этого слова.

– Нас?..

Он жестом указал на наших товарищей-заложников.

– Мы в твоём пуле присяжных. Что ты думаешь о нас?

– Ах, да, – сказала я, мысленно ругая себя.

«*Черт возьми, Гарденер, возьми себя в руки*».

Я взглянула на него.

– Ты уверен, что я не прерываю вашу беседу с мисс Патель?

Прозвучало гораздо более стервозно, чем я предполагала. Ревностно. Я попыталась как-то загладить сказанное, но Кори, похоже, ничего *такого* не заметил.

Он взглянул на дверь, за которой стоял Фрэнки.

– Она разговаривает по телефону с копами, – сообщил он вполголоса.

– Прямо сейчас? Как?.. – затем я вспомнила, что Амита разговаривала через беспроводной наушник. – Она была на связи с ними с самого начала?

Он кивнул.

– Что, если Фрэнки заметит? Он озверееет.

– Возможно. Но если они унесут ее телефон слишком далеко, он все равно выключится. До сих пор она умудрялась предоставлять полиции кучу информации о грабителях. Чертовски умно.

– Да, – пробормотала я. – Очень.

– Эй, – прошептал Кори, легонько подтолкнув меня локтем. – Итак, давай. Мистер Рой Моргенштерн в твоём пуле присяжных. Оставляешь его или динамишь?

– Я, эм, ну, это зависит от обстоятельств, – сказала я, переключая свое внимание. – Если бы я подавала иск на крупную корпорацию, я бы уволила его еще до того, как он успеет сесть.

– В каком случае ты бы его оставила?

– Если бы я представляла корпорацию. В таком случае я бы молилась, чтобы его назначили председателем.

– И часто ты берешься за подобные дела? – улыбка Кори погасла. – Большие корпорации против простого человека?

– Я берусь за дела, которые, как я верю, могу выиграть, – я прижалась к стене.

– А если сторона, одержавшая победу, – неправильная сторона?

– Правильное или неправильное существует только в понимании законодательства.

– Да, но все же. Есть серая зона...

– *Серой зоны* нет, – сказала я как можно более нейтральным тоном. – Нельзя позволять эмоциям встать на твоём пути. Или сочувствию. Нужно отбросить все это в сторону и взглянуть на букву закона. И точка.

– Хорошо, но что, если простой человек прав с моральной точки зрения, но его дело проигрышное. Понимаешь? Расклад не в его пользу. Что-то вроде Давида и Голиафа.

– Да, есть такое, – медленно проговорила я.

«Манро против Хатчинсон», – подумала я, хотя в данном случае Давид владел семейной сетью скобяных изделий, а Голиаф был отвратительным маленьким человечком, едва достигшим метра шестидесяти сантиметров.

– Вопрос такой, – сказал Кори, – на чьей ты стороне?

«Не позволяй ему забалтывать тебя, – я напряглась. – Он понятия не имеет, как усердно ты работаешь и насколько все это сложно», – и все же подробности дела Манро царапали мой разум, как крапива.

– Я же сказала, что борюсь за человека, который меня понимает. Если я соглашаюсь взяться за дело, это означает, что я считаю его выигрышным.

– Невзирая на обстоятельства?

Я скрестила руки на груди.

– Это намного сложнее, чем то, что ты видишь по телевизору или в кино.

Кори задумчиво кивнул.

– Ладно, так что насчет меня? – наконец спросил он.

– В смысле, среди присяжных по делу Давида и Голиафа?
– Ага.

Я взглянула на него и вдруг почувствовала себя немного растерянной. Его глаза были похожи на темные омуты, в которых светилась нежность, никак не вязавшаяся с его суровой внешностью. Способность видеть людей насквозь, которая так хорошо служила мне в зале суда, сейчас была направлена на Кори Бишопа, и я увидела доброту, честь.

Это человек, который редко жалуется и который терпеть не может всякую ерунду.

Человек, который не бросает на ветер слов и пустых обещаний.

Человек, который пожертвует собой ради других, но который сам скорее съест стекло, чем попросит о помощи.

Раньше я и понятия не имела, насколько чуткой может быть моя интуиция. Не зря меня считают одаренной. За широкой грудью Кори скрывалось золотое сердце, бьющееся ровным, спокойным ритмом доброты и порядочности. Я готова поставить на кон свою карьеру, доказывая это.

– Я бы уволила тебя немедленно.

Он выслушал это, казалось, поглощая меня взглядом почти так же, как и я его, а затем слегка рассмеялся, чтобы снять странное напряжение.

– Ой-ой. Вышвырнула бы меня на обочину.

Я слабо улыбнулась.

– Не зря ведь меня называют Леди Акула.

– Кто тебя так называет?

– Такая у меня репутация в Верховном суде.

Он нахмурился, как будто ему не понравилось, как это прозвучало.

– И это хорошо?

«Я так думала раньше. До этого момента».

Я встряхнулась, поклявшись не позволять этому человеку разгадывать мои мысли и чувства с полуслова. Взгляда.

– Мой отец был великим юристом, – сказала я. – Самым лучшим. Его называли Большой Белой Акулой, и теперь я иду по его стопам. Или, во всяком случае, надеюсь на это.

– Он, должно быть, гордится тобой, – странная меланхолия промелькнула на лице Кори, а затем снова исчезла. – Но по мне, так ты вовсе не акула.

Я не знала, что на это ответить, и между нами воцарилась тишина. Кори на некоторое время погрузился в собственные мысли.

– Нанять адвоката, наверно, довольно дорого? – спросил он.

– Наверно, – ответила я. – Зависит от адвоката.

Кори снова выглядел так, словно хотел сказать что-то еще, но передумал, как и тогда, когда мы стояли в очереди.

– Тебе... нужен адвокат? – аккуратно осмелилась я, вспомнив, что он ранее спрашивал о семейном праве. – Имею в виду... когда мы выберемся отсюда?

Он уставился на меня на мгновение, затем перевел взгляд

прямо перед собой.

– Нет, все в порядке.

Больше мы ничего не говорили, и на этот раз молчание затянулось.

Я прислонилась спиной к стене и в полусонном состоянии снова и снова прокручивала в голове наш разговор, как одежду в стиралке. Пока я находилась в этом странном состоянии между сном и бодрствованием, я представила себе зал суда, в котором Кори Бишоп был Давидом, идущим против иллюзорного Голиафа, а я стою там с портфелем в руке, готовая вступить в бой.

«На чьей ты стороне?»

Мои щеки горели от стыда.

«Я не знаю».

Глава 6

Кори

«Проклятый день...»

Я вздохнул и прислонился к стене, стараясь не думать о том, как это ограбление поимело меня. Нет смысла беспокоиться о том, что я не в силах исправить, но мне придется разгрести чертово месиво, когда мы выберемся.

«Вот невидаль!»

Я отмахнулся от этой мысли. Если бы отец услышал, что я говорю что-то подобное, будучи в здравом уме, он бы отвесил мне подзатыльник за то, что я себя жалею.

И был бы прав.

Произошло дерьмо, с которым нам пришлось иметь дело. Даже тот факт, что меня взяли в заложники при ограблении банка, не освобождает меня от ответственности, по его мнению. Я знаю, что бы он сказал, будь он здесь. Так и слышу его голос, твердый, как гранит: «Ты должен позаботиться об этих людях, чтобы, когда ты выберешься отсюда, тебя не мучила *совесть*».

Я кивнул и попытался подумать о чем-нибудь другом. О чем-нибудь хорошем.

Кэлли.

Я автоматически улыбнулся, когда подумал о ней. Как рефлекс. Интересно, чем она сейчас занимается. Знает ли она уже об ограблении? Надеюсь, нет. Она бы испугалась, а сказать ей, что со мной все в порядке, не было никакой возможности. Моя улыбка исчезла.

«Защити этих людей, выбирайся и возвращайся к Кэлли».

С такой целью я почувствовал себя немного лучше. Я посмотрел на женщину, дремлющую у меня на плече, и снова улыбнулся.

Александра Гарденер.

Господи, она прекрасна. Великолепна. Неуместные мысли лезли мне в голову с того момента, когда я впервые увидел ее. Она была одним из тех специалистов, что работают в компании Беверли-Хиллз: целеустремленная, богатая, педантичная. Я прожил в Лос-Анджелесе всю жизнь и хорошо знал этот тип людей.

Но Алекс удивила меня светской беседой в очереди – до того, как группа монстров ворвалась в банк, испортив нам день, – и сейчас своей речью, чтобы успокоить группу. Она не была заносчивой или замкнутой. Умная. Веселая. И эти глаза... Точно летнее небо в безоблачный день.

Я был не настолько глуп, чтобы навывдумывать себе, что у нас что-то получится, если мы выживем. Ее туфли, наверное, стоили больше, чем мой кредит за машину.

Но в ней была какая-то изюминка, что-то такое, чего я никак не мог понять. У нее была волевая внешность, но это было что-то вроде ширмы. Ее называли Леди Акулой, и полагаю, она спокойно к этому относилась. Отец гордится ею. Это как раз то, что я ценю. Это то, к чему я стремлюсь всю свою жизнь. Но образ акулы вызывал в воображении картинку закатившихся, черных, как смоль, глаз и рядов острых зубов.

Алекс напомнила мне какую-то ирландскую богиню войны – рыжеволосую и свирепую. Наверное, она потрясающе смотрится в зале суда. Уверен, она бы стерла в порошок того никчемного адвоката-стервятника, которого Джорджия наняла против меня. Но много ума не надо, чтобы понять, что адвокат такого калибра, как Алекс, был мне не по карману – как в принципе и любой другой, даже никчемные адвокаты-стервятники. Поэтому когда Алекс спросила меня, нужен ли мне адвокат, я даже не стал заморачиваться по этому поводу.

И какой бы сильной она ни казалась, я чувствовал странное, почти первобытное желание защитить ее. Скорее всего, это ничего не значило. Эта ситуация – полное дерьмо, у меня уже начиналась аллергия на этого парня, Фрэнки. Меня раздражало то, как он смотрел на меня, но ничего поделать с этим я не мог. А то, как он посмотрел на Алекс, вызвало у меня желание пробить кулаком его маску. Мне придется позаботиться о ней. О них всех.

– Мне нужно помочиться, – сказал Рой.

– Хорошие манеры, – фыркнула Кэрол.

– Мне тоже, – прошептала Таня. – Имею в виду, воспользоваться уборной.

Я был в одной лодке с ними. Мы уже несколько часов заперты в конференц-зале без малейшего представления о том, что происходит между полицейскими и грабителями. Я оглядел комнату:

– Кто-нибудь еще?

Они согласно забормотали и закивали.

Поднимаясь на ноги, я почувствовал мягкое и крепкое прикосновение руки Алекс.

– Эй, – сказала она. – Будь осторожен.

Теперь выражение ее лица было нежным, без доли жесткости, которая присутствовала, когда мы говорили о ее работе. Я ободряюще улыбнулся ей.

Я поднялся на ноги и медленно подошел к окну в стене. Я держался в стороне, давая Фрэнки возможность увидеть

меня боковым зрением, но дерганый ублюдок не обернулся. Я легонько постучал по стеклу, а затем вздрогнул, как и все в кабинете, когда Фрэнки обернулся, его лицо исказилось от испуга и ярости. Он сдвинул маску на свои сальные волосы, открывая изможденное, покрытое шрамами лицо. Наверное, из-за наркотиков.

«Потрясающе. Наркоман с винтовкой AR-15».

Я отшатнулся, когда Фрэнки с грохотом распахнул дверь. Раздались крики, когда он направил на меня дуло своего оружия.

Внутри все сжалось, а яйца почти заползли в кишки. Легким касанием руки из такого оружия можно выпустить дюжину пуль, а Фрэнки был чертовски нервным.

«Это конец. Сейчас я умру. Кэлли, я люблю тебя...»

– Какого хрена ты делаешь? – взвизгнул Фрэнки. – На землю, придурок! Сейчас же!

На ватных ногах я вернулся на свое место у стены рядом с Алекс. Мое дыхание сбилось, но страх быстро уступил место гневу.

– Расслабься, мужик, – сказал я. – Я не собирался нападать на тебя. Нам нужно в туалет.

Фрэнки замер на несколько мгновений, а затем разразился непристойным смехом.

– Хотите пойти пописать? – хихикнул он, вытирая нос. – Хорошо. Подождите.

Он исчез на мгновение, и все облегченно вздохнули.

– Спасибо, – сказала мне Таня. Сильвия, сидевшая рядом с ней, кивнула.

Через минуту Фрэнки появился в дверях.

– Так уж и быть, поросята. Полевой выход. По одному, – он приказал Рою встать. – Медленно, толстяк, иначе я забрызгаю стену твоими кишками.

Мы по очереди выходили из кабинета. Нас сопровождал Оборотень, а Фрэнки остался на страже. Когда настала очередь Алекс, я почувствовал, как напрягся каждый мускул моего тела, когда она медленно поднялась на ноги.

– Пошевеливайся, Рыжая, – увещевал Фрэнки. – У нас не так много времени.

Алекс расправила плечи и уже хотела проскользнуть в дверной проем, но Фрэнки преградил ей путь. Он откровенно уставился на нее, а она отвернулась, как будто от него пахло кислятиной. Я крепко сжал руки в кулаки.

– А ты хорошенькая, – усмехнулся Фрэнки. – Хочешь справить нужду, ангелочек? Нужна какая-нибудь помощь?

Алекс ничего не ответила и не выказала раздражения. Она проскользнула мимо него в коридор.

«Молодец, Алекс».

Я облегченно вздохнул, когда Оборотень, который все еще был в маске, увел ее прочь, подальше от Фрэнки.

– Зови, если передумаешь, – крикнул Фрэнки вслед, хихикая, как идиот. Его взгляд, действующий на нервы, словно назойливая муха, остановился на мне, и на его лице появи-

лась уродливая ухмылка. – Вижу, ты наблюдаешь за нами, красавчик, – он склонил голову набок с издевательским любопытством. – Тебе не нравится, как я разговариваю с Рыжей? Тебе это совсем не нравится, не так ли?

«Вот мерзость».

Я отвел глаза, поклявшись смотреть куда угодно, только не на Алекс, когда она вернется.

Слишком поздно. Когда она вернулась, Фрэнки начал танцевать взад и вперед, как нетерпеливая дворняжка.

– Тебе лучше, Рыжая?

Алекс хотела пройти мимо него. Но Фрэнки снова преградил ей путь, подходя ближе, пока она не уперлась спиной в дверной косяк, прижавшись к нему всем телом. Он наклонился, обнюхал ее шею и шумно вдохнул.

– Ммм, приятно пахнешь. Как деньги.

Его взгляд скользнул по мне, затем снова по ней. По мне и по ней, наблюдая за моей реакцией. Мои руки сжались в кулаки.

– Эй, чувак, – сказал я как можно более спокойно. – Оставь ее в покое.

– Но я ей нравлюсь, не так ли, Рыжая? – Фрэнки провел пальцами вверх по телу Алекс к ее груди. – Думаю, что я ей очень нравлюсь...

От ярости мои глаза налились кровью. Я вскочил на ноги, готовый разорвать глотку ублюдку, но Фрэнки быстро отступил и направил свое оружие на меня.

– Я знал, что ты не сможешь сидеть спокойно. Ха! Так и думал, что ты хулиган. Большой сильный парень... разорвет меня пополам собственными руками, не так ли? – он рассмеялся и поднял свой AR-15. – Ты ни хрена *в этом* не понимаешь.

– Спокойно, чувак, – сказал я, поднимая руки и отчаянно пытаясь последовать своему собственному совету. – Просто оставь ее в покое.

– Пошел ты! – сплюнул Фрэнки.

Думаю, он целился мне в лицо, но он стоял слишком далеко, и желтоватый сгусток приземлился у моих ног.

– Хватит, Фрэнки, – сказал Оборотень из коридора. – Давай закончим с этим. Кто следующий?

Фрэнки заколебался, и я увидел, как в его глазах пляшут тысячи чертиков. В конце концов, он рывкнул на Алекс, приказывая ей сесть, что она и сделала, избегая встречи взглядом со мной, когда проходила мимо. Я хотел сказать ей, что все в порядке, как-то утешить ее, но Фрэнки пробормотал мне, чтобы я занял свою очередь в уборную.

– Ты мне не нравишься, – сказал он, когда я направился к двери. – *Совсем* не нравишься.

– Взаимно, – мне потребовалось много усилий, чтобы не оттолкнуть этого ублюдка от своего лица.

В коридоре Оборотень встал позади меня.

– Смотри вперед. Без разговоров.

Мы прошли по небольшому коридору, перпендикулярно-

му тому, в котором располагался наш кабинет. Я увидел другие кабинеты, заполненные заложниками, не более десяти человек в каждом, и мысленно сделал заметку, чтобы сообщить об этом Амите, а она, в свою очередь, могла бы передать это копам. Я не был уверен, важно ли это, но подумал, что чем больше у них будет информации, тем лучше. Особенно насчет группы монстров. По моим подсчетам, их было всего шестеро, но я не мог сказать наверняка. Я видел только троих с тех пор, как нас увели из общего зала. Я попытался разведать обстановку поточнее, разузнать что-то еще, что, по моему мнению, могло бы пригодиться, но слева появилась мужская уборная для сотрудников.

– Две минуты, – сказал Оборотень.

Я сходил в туалет, а затем задержался на минутку у раковины, чтобы плеснуть немного холодной воды на лицо, пытаясь собраться с мыслями. Фрэнки был особо опасен. Кто-нибудь мог серьезно пострадать или погибнуть, если этого упыря не приструнить.

«А если он снова прикоснется к Алекс...»

Мои кулаки снова сжались при воспоминании о том, как этот мерзкий ублюдок прикасался к ней. Я мгновенно вспыхнул от ярости. Сильной ярости.

«Ты бы чувствовал то же самое, будь там любая другая женщина», – сказал я себе.

Возможно. Я был уверен, что точно так же я бы защищал любую женщину, но неприятное чувство в моей груди, когда

он прикоснулся к Алекс, имело оттенок страха, который я не мог объяснить.

Когда мое время вышло, я вернулся к Обратню.

– Эй, чувак, Фрэнки совсем с цепи сорвался, – сказал я. – Может, вы поставите его куда-нибудь еще? Подальше от заложников?

– Я сказал, никаких разговоров.

Он говорил как обычный парень, а не как какой-нибудь мультяшный злодей, несмотря на маску, которая все еще была у него на лице. Я решил рискнуть и обернулся.

– Послушай, я...

Оборотень мгновенно вскинул AR-15, глаза под маской расширились.

– Какого черта, чего ты делаешь?

– Ничего, клянусь, – я поднял руки вверх. – Просто пытаюсь предупредить тебя, что Фрэнки собирается кого-нибудь убить. Ты ведь знаешь это, верно? Это часть вашего грандиозного плана?

Оборотень в маске был зол на меня, но и напуган тоже. Весьма напуган.

– Заткнись, повернись и продолжай идти.

У меня не было выбора, поэтому я выполнил его приказ, но я все так же держал руки поднятыми, чтобы показать, что не собираюсь причинить никому вреда. Подозреваю, что Оборотень был таким же дерганным, как и Фрэнки.

– Он брат Драка, – тихо сказал Оборотень, как только мы

свернули за угол в наш коридор.

– Seriously? – я оглянулся.

– Да, – он тяжело вздохнул. – Никуда не денется.

В кабинете Фрэнки не вымолвил ни слова, только фыркнул и позволил мне пройти мимо. Остальные по очереди отправились в уборную, и когда дверь закрылась, а Фрэнки благополучно оказался с другой стороны, Алекс взяла меня за руку.

– Он прицепился к тебе, – прошептала она.

– Я заметил.

– Нет, я серьезно. Он что-то замышляет. Я заметила это по его лицу, когда ты уходил, и сейчас, когда ты вернулся. Когда ты стоял к нему спиной.

– Я буду осторожен.

– Будь более чем осторожен, Кори, – она раздраженно фыркнула. – Не говори ему ни слова. Что бы ни случилось. Что бы он ни сделал...

– Я не позволю ему прикасаться к тебе, Алекс, – сказал я с большей настойчивостью, чем намеревался. Остальные наблюдали за происходящим. – Ни к тебе, ни к кому другому, – добавил я громче.

– Какая радость, – Рой закатил глаза. – Я знал, что ты будешь строить из себя героя.

– Заткнись, Рой, – огрызнулась Кэрол, но здоровяк продолжал как ни в чем не бывало.

– Ты не следишь за языком, Бишоп. Но у них есть оружие,

а у тебя – нет.

– Он прав, – поддержала Алекс. – И Фрэнки ждет возможности воспользоваться им, Кори. Это видно.

Я пожал плечами. Они ничего не поняли. Рой уж точно ничего не понял, Алекс тоже. Оно и к лучшему. Ей и не нужно было этого понимать. Она просто должна жить.

Я опустил глаза и увидел, что она, прищурившись, наблюдает за мной, анализируя мое молчание.

– Я могу сама о себе позаботиться, – сказала она.

– Я в этом не сомневаюсь, – ответил я, не удивленный тем, что она так хорошо меня поняла. – Но если он снова прикоснется к тебе, я переломаю ему пальцы.

Алекс прислонилась спиной к стене, анализируя сказанное и снова изучая меня своими небесно-голубыми глазами.

– Никогда не слышала, чтобы мужчина говорил что-то подобное и действительно имел это в виду.

Я снова пожал плечами.

– Не дай себя убить, Кори, – ее голос смягчился. – Пожалуйста.

– Я и не собираюсь.

И это была правда. Но правда и в том, что отец однажды сказал мне: жизнь без чести бессмысленна. И иногда, особенно последние пару лет, мне казалось, что честь – это все, что у меня осталось.

Глава 7

Алекс

Часы тянулись медленно. С течением времени чувство страха притупилось. Каждый из нас по очереди сообщал Амите любую крупную информацию о грабителях – а ее было не так уж много, – а также наши имена и данные, чтобы наши близкие знали, что с нами все в порядке.

Амита, в свою очередь, передала нам, что переговорщик общался с Дракулой; но не более того. Они сказали ей, что сообщать нам подробности небезопасно.

У всех отобрали часы, а в помещении, где мы сидели, не

было окон, выходящих наружу. Наверное, было около девяти часов вечера. Наша первая основная потребность была удовлетворена, и наша небольшая группа начинала неловко ерзать.

– Не знаю, как вы, но я хочу есть, – сказал Гил Корман, фармацевт. – И пить.

Все дружно согласились. Даже Кэрол, хотя и не особо охотно. И мы все хотели пить. Каждый ждал, что кто-то другой решит этот вопрос.

– Ладно, – Кори начал подниматься.

Гнев вспыхнул во мне, и я схватила его, удержала, волком глядя на остальную группу.

– Тебе обязательно делать это снова? Неужели мы все забыли, что случилось в прошлый раз?

– Алекс...

– Нет, – сказала я. – Пусть кто-нибудь другой спросит о еде. Я бы спросила, но...

«Но если Фрэнки попытается что-нибудь сделать со мной, Кори захочет остановить его и в конечном итоге погибнет».

– Кто-нибудь другой. Но не Кори.

– Ой, как мило, – сказал Рой. Усмешка появилась под его рыжими усами. – Неужто настоящая любовь расцвела в разгар этой кризисной ситуации?

– Заткнись, старый болтун, – сорвалась Кэрол. – Подними свою задницу и попроси этого маленького выроodka на-

кормить нас.

– Я не буду этого делать! – хмыкнул Рой. – Я же сказал, скрипучее колесо...

– Я пойду, – сказал Кори.

– Нет, ты *не пойдешь*, – я вздрогнула. – Обойдемся без еды. Ожидание нас не убьет, а если ты пойдешь и спросишь, тебя могут убить.

– Никого не убьют, – сказал Кори. – Но забудьте о еде; нам нужна вода. Прошло слишком много времени.

Таня кивнула.

– Нам нужна вода, но Алекс права. Фрэнки тебе все кости пересчитает, Кори, – она с трудом сглотнула. – Я пойду.

– Нет, – сказал Гил с другой стороны комнаты. – Я... я сделаю это. Я смогу.

Мы наблюдали, как он с трудом поднялся на ноги, Кори нахмурился.

– Это бред, – шепнул он мне. – Этот человек боится.

– А ты нет? – прошептала я в ответ. – Мне страшно. За тебя.

Уже дважды я видела, как Фрэнки наставлял свое большое уродливое оружие смерти на Кори, и оба раза я чувствовала, как что-то сжимается во мне и сдавливает так, что мне не хватает воздуха. Я не хотела, чтобы кто-либо еще сталкивался с неуравновешенностью Фрэнки, но при этом я чувствовала, что удача вот-вот отвернется от Кори.

Несмотря на это, мне было ужасно жаль Гила. Он спо-

ткнулся уже после первого шага. Кори вскочил и помог ему вернуться на место, бросив на меня строгий взгляд.

– Я пойду, – безапелляционно сказал Кори.

Я наблюдала за тем, как он приближается к двери, но Ами-та, которая тихонько разговаривала с полицией без перерыва, издала шипящий звук.

– Они несут пиццу, – она коснулась ухоженным пальцем своего скрытого наушника и махнула Кори, чтобы он сел.

Я облегченно вздохнула, когда он начал возвращаться ко мне, как вдруг Фрэнки открыл дверь с немного недоверчивой и нетерпеливой гримасой.

– Кто разрешил тебе встать, придурок?

Кори обернулся, подняв руки, но Фрэнки уже сбросил с плеча ремень с оружием. Этот невысокий мужчина двигался с бешеной скоростью. Он перевернул AR-15 и ударил прикладом Кори по голове, как будто пытался выломать дверь, застав Кори врасплох.

Кори пошатнулся и упал, кровь хлынула из раны, расщеченной над его правой бровью.

Сильвия закричала, и это было похоже на стартовый выстрел в гонке. Я бросилась к Кори и поймала его, не дав ему удариться головой о пол, который был ничуть не лучше бетона, покрытого ковролином. Я положила его голову себе на колени, пока Фрэнки расхаживал и плясал вокруг нас.

– О, это было так приятно. Очень приятно, – он облизнул губы и перевел взгляд на меня. – Тебе это не понравилось,

не так ли, Рыжая? В чем дело? Ты не хочешь, чтобы я прикасался к твоему парню? – он схватил свой член и подергал им. – Могу вместо него прикоснуться к тебе.

– Нет... – Кори с трудом сел. – Оставь ее в покое...

– А то что? – рассмеялся Фрэнки. – Дашь мне в рожу, ублюдок?

Слава богу, Кори промолчал. Он прижал руку к глазу, но кровь сочилась у него меж пальцев. Я помогла ему вернуться на свое место у стены, надеясь, что этой ужасной сцены будет достаточно для Фрэнки.

– Вам следует следить за своим языком, молодой человек, – огрызнулась Кэрол. – И принесите мне тряпку и что-нибудь, чтобы промыть рану.

– Ага, щас, – Фрэнки фыркнул. – Сидите смирно, поросята. Ужин почти подан.

– Мне пепперони, пожалуйста, – вполголоса пробормотал Рой.

Все, включая меня, ахнули, когда Фрэнки остановился и обернулся.

– Что ты сказал?

– Н-ничего, – ответил Рой. – Просто... проголодался.

Фрэнки склонил голову. Маска монстра Франкенштейна болталась у него на голове, как колпак.

– Свины снаружи договорились с Драком принести вам, поросяткам, пиццу. – Он навел свой AR-15 на крупного мужчину. – Как ты узнал?

Челюсть Роя задвигалась, но он не издал ни звука.

– Говори громче, толстяк! – крикнул Фрэнки.

Но Рой застыл на месте, как и все мы, и теперь этот крупный мужчина умрет. Фрэнки снял пистолет с предохранителя. Ужасный металлический звук заполнил маленькую комнату.

– Это просто совпадение, – быстро заявил Кори. – Мы все просто голодны. Как он и сказал.

Фрэнки взглянул на него широко раскрытыми глазами, и волосы у меня на затылке встали дыбом.

Слишком часто. Кори слишком часто провоцирует этого психа.

– Врешь, – сказал Фрэнки. – Скажи мне, как ты узнал о пицце, пока я не расшиб тебе башку. На этот раз по-настоящему.

Время, казалось, остановилось. Воздух в комнате испарился. Я попыталась вздохнуть, но не смогла, когда реальность стала очевидна: если Кори скажет правду, Амита может умереть, а если будет молчать, то терпение Фрэнки по отношению к нему подойдет к своему окончательному, мрачному концу.

Кори молчал.

Пальцы Фрэнки дернулись над спусковой скобой, но он выглядел растерянным, неуверенным. Я молилась, чтобы Дракула велел им никого не убивать... и чтобы у него было достаточно влияния, чтобы Фрэнки не посмел его послушать-

ся.

Затем в дверях появился Оборотень, и все мы, включая Фрэнки, вздохнули с облегчением.

Глаза Оборотня, метнувшись, остановились на Кори и его ране.

– Что теперь? Этот парень выделяется?

Фрэнки кивнул.

– Ублюдок что-то знает, но не говорит. Они все знают. Этот парень доставал меня с самого начала. Может, прикончить его прямо сейчас, как думаешь?

– Прекрати нести чушь, Фрэнки, – прошипел Оборотень. – Нам сейчас только мертвого заложника не хватало. Еда уже здесь. Пошли.

Фрэнки поплелся к двери, как будто подчиняясь Оборотню. Но остановился и ткнул пальцем в Кори.

– Только дай мне повод. Еще раз...

Дверь захлопнулась, и восемь человек одновременно вздохнули с облегчением.

– О чем, черт возьми, ты думал? – Кэрол кипела от злости на Роя.

– Я просто... я... – Рой с несчастным видом покачал головой.

Кэрол раздраженно махнула на него рукой и подползла, чтобы осмотреть лоб Кори.

– Чудная ссадина. Я не уверена, нет ли у тебя сотрясения мозга. Тебя тошнит? Нет? Только не засыпай. По крайней

мере сейчас. Тебе нужно наложить швы. Минимум десять. Он неплохо тебя ударил. Надо остановить кровотечение.

– Вот, – Рой достал из кармана пиджака шелковый носовой платок с монограммой.

Таня передала его Сильвии, а она, в свою очередь, передала его мне.

– Мне жаль, – пробормотал Рой.

Кэрол выхватила платок у меня из рук и осторожно приложила на рану Кори.

– Еще бы. Этот парень спас твою задницу, – она перевела свой бледно-голубой взгляд на Амиту. – И твою.

– Батарея села, – Амита вынула наушник из уха и положила руку на плечо Кори, взглянув на него благодарным, пристыженным взглядом. – Кэрол права. Я хотела вступить, сказать Фрэнки, что это я... но не могла ни двигаться, ни говорить, ни даже дышать. Мне жаль. Прости и спасибо.

Ревность, словно голод, скрутила меня изнутри от того, как Амита посмотрела на Кори, и я отвела взгляд.

– Забудь, все в порядке, – сказал Кори. – Какие новости? Оборотень, похоже, нервничает. Кажется у них все пошло не по плану.

– Да, но это плохо для нас, – Амита взглянула на дверь, прежде чем продолжить. – Дракула пытался договориться о безопасном выходе. Похоже, у него был план, но S.W.A.T. его обломал. Короче, они не договорились. Диспетчер не стал вдаваться в подробности. Дракула понимает, что вля-

пался по уши, и единственный выход – использовать нас.

– Ч-что это значит? – спросил Гил. – Использовать нас?

– Это как обмен фишками, – ответила Амита ровным, звучным голосом со слабым акцентом. – Он освободил кого-то из другой комнаты. Так мы получили пищу. Теперь главный сержант хочет, чтобы он освободил больше людей, а Дракула настаивает, чтобы ему предоставили транспорт. Полиция, конечно, тянет время. Диспетчер пытался предупредить меня. Нам надо быть осторожнее, – она посмотрела на каждого из нас большими темными глазами. – Если Дракула не получит того, что хочет, он покажет полиции, что настроен серьезно.

– К-как? – спросил Гил.

– Мы здесь в качестве валюты, – сказал Рой с прежней бравадой. – Заложник гуляет, а мы едим. Освободят еще одного – мы получим немного воды. Так копы получают то, чего хотят. Но как вы думаете, что произойдет, если группа монстров чего-то захочет, а копы этого не сделают? Мы пешки, которыми можно пожертвовать.

Тяжесть его слов легла на меня, сдавив сильнее, когда Амита кивнула. Наступила тишина, а затем вернулся Фрэнки и небрежно бросил обычную пищу с сыром и упаковку бутылок с водой в центр пола. Он выглядел унылым и усталым, совсем не похожим на того дерганого, нервного ублюдка, каким был всего несколько минут назад.

– Жрите, поросята, – он вытер нос рукавом и, шаркая, вы-

шел.

«Он уже более спокоен», – подумала я, гадая, хорошо это для нас или плохо. Все схватились за бутылки с водой, но никто не двинулся с места, чтобы взять кусочек пищи.

– Давайте, ребята, – сказал Кори. – Ешьте.

– А ты? – спросила Кэрол. – Тебя тошнит?

– Я подожду пива, – Кори криво улыбнулся.

Это помогло немного расслабиться, и мы один за другим потянулись за кусочками едва теплой пищи.

Все начали болтать. Гил и Рой через всю комнату разговаривали о перспективах акций одной фармацевтической компании; Сильвия и Таня тихо беседовали в углу, Амита с сосредоточенным видом обсуждала с Кэрол профессию медика – оказалось, Амита училась в медицинской школе.

– Как ты себя чувствуешь на самом деле? – спросила я Кори.

– Я в порядке. Думаю, кровотечение уменьшилось. Но болит до смерти, врать не стану.

– Что я могу сделать для тебя?

– Поговори со мной, – сказал он. – Помоги мне отвлечься.

– Хорошо, но не засыпай на мне.

– Тогда постарайся заинтересовать меня.

Я закатила глаза, хотя втайне все внутри меня трепетало.

– Я сделаю все, что в моих силах. Хотя я не знаю, о чем можно поговорить двум банковским заложникам.

– Да о чем угодно, – сказал Кори. – Давай начнем с начала.

Что там было до всего этого дерьма, когда мы встретились? Конверты, что выпали у тебя из рук? Они выглядели довольно необычно. День рождения?

– Эм, нет, – я внезапно почувствовала тяжесть в животе. Больше никакого трепета. – Это приглашения на вечеринку по случаю помолвки. Моей и моего жениха.

– Ого, – Кори напряженно улыбнулся одними губами. – И когда наступит знаменательный день?

– В январе.

– Это хорошо, – он отвернулся и кивнул. – Да, это хорошо. Руки Кори свисали с согнутых коленей. Кольца не было. *«Монстры, возможно, забрали его».*

– А ты? Ты женат?

– Нет, – сказал он. – Не женат. Но у меня есть маленькая дочь – Кэлли. Ей семь.

– Правда? – я откинулась на спинку стула, переваривая информацию.

Это многое объясняло. Так вот откуда в нем столько доброты, природного *великодушия*. Бездонный колодец любви к своему ребенку. Но меня это испугало. Случись с ним здесь что, его маленькая дочь может остаться сиротой. От этой мысли у меня по спине пробежали мурашки.

– Тут мощный кондиционер, – сказал он, заметив, что я вздрогнула. – Дать тебе мою куртку?

– Нет, спасибо. Говоришь, ты не женат?

– Ах, да. Мать Кэлли, Джорджия, не из тех, кто создает

семью.

– А ты из тех?

– Думаю, да. Я бы женился.

– Редко в наше время можно услышать такое от молодых людей.

– Мне почти тридцать. Не так уж и молод, – он пожал плечами. – Я не знаю. Мне нравится мысль прожить с одним человеком всю жизнь. Помогать друг другу в достижении целей... завести детей... помочь им достичь их целей. Поэтому, это очень важно.

– Но Джорджия так не считала? – как только слова слетели с моих уст, я пожалела о сказанном. – Прости. Это очень навязчиво с моей стороны, это не мое дело.

– Я сам поднял эту тему, – Кори натянуто улыбнулся. – Итак, отвечаю на твой вопрос. Нет, Джорджия так не считала. Она не в восторге от моего рода деятельности.

– А что не так со... строительством, верно? Подмастерьем.

– Да, строительство. Лично я считаю, что в этом нет ничего плохого. Это то дело, которое мне нравится. То, что у меня хорошо получается. Но Джорджия всегда говорила, что я слишком умен для этого. Как будто в этом нет ничего большего, кроме как весь день забивать гвозди размером два на четыре. Она хотела, чтобы я поступил в колледж, получил «настоящую» работу, но я думаю, что это чушь собачья. Строительство – это мой семейный бизнес, и было время,

когда дела у нас шли хорошо. Но Джорджия все равно была недовольна.

На его лице отразилась боль, но вряд ли это было из-за раны на голове.

– В любом случае это из-за денег, – продолжил он. – Для Джорджии все сводится к деньгам. То есть я не зарабатываю достаточно, чтобы она чувствовала себя нормально, будучи связанной со мной семейными узами.

Мою ногу слегка свело судорогой, и я прислонилась к стене. Кори заметил это и, наверное, подумал, что мне неловко.

– Извини, – сказал он. – Кажется, разговор приобрел слишком личный характер.

– Нет, все в порядке...

– Тебе повезло. У тебя нет такой проблемы.

– Какой проблемы? – я замерла.

– Тебе не нужно беспокоиться о деньгах, – он увидел мое оскорбленное выражение лица. – Что? Это не субъективное суждение...

– Мне есть о чем беспокоиться. Я работаю как проклятая ради того, что имею, как и Дрю.

– Я и не отрицаю. Но... – мягко сказал Кори, подняв руки.

– Если ты пытаешься намекнуть, что это меня не напрягает...

– Я ни на что не намекаю, – пробормотал он. – Многие люди *работают как проклятые*, и все равно они под «напряжением». Всегда есть что-то большее, вроде огромного меш-

ка с камнями, который ты должен продолжать нести, несмотря ни на что. Не важно, устал ты или болен, или твой чертов грузовик сломался... — он приложил салфетку ко лбу. — Прости. Я устал. Иногда я просто... устаю.

Я изучающе посмотрела на Кори. На его переносицу вернулись тревожные морщинки, которые были там перед началом ограбления. Как бы меня ни задели его высказывания, глупо с моей стороны воспринимать их в штыки. В конце концов, Кори — обычный мужчина, с которым мы только сегодня познакомились, несмотря на ощущение, что мы сидим в этой комнате уже тысячу лет.

«Я просто испытала стресс от сложившейся ситуации. Это заставляет нас всех объединиться. Для выживания».

— Эй, — я толкнула его локтем в плечо. — Расскажи мне о Кэлли. Ты сказал, ей семь лет? Во... втором классе?

— Да.

— Ей нравится школа?

— Да. Она хорошо учится. Любит сочинять истории, — он рассмеялся, все его тело расслабилось, лицо снова стало потрясающе красивым, когда он заговорил о своей дочери. — Она написала одну историю о ребенке-супергерое, который летает и раздает еду бездомным. Вот такая суперсила: кормить бездомных.

— У нее большое сердце, — сказала я.

— Да, это так, — вымолвил он. — А ты? Вы с женихом планируете детей?

Я снова поежилась. Я пыталась убедить себя в том, что это просто твердый пол.

– Эм, нет. Не планируем. Мы пришли к выводу, что слишком заняты работой. Это было бы несправедливо. По отношению к ребенку.

– Серьезно? – он моргнул.

– Да, *серьезно*. Прости, если обидела тебя этим.

– Нет, я просто... – его лицо было непроницаемым. – Ничего.

– Ты тоже считаешь, что женщина является неполноценной, если у нее нет детей?

– Нет, вовсе нет, – Кори повернулся и посмотрел мне прямо в глаза. – Есть дети или нет, это не делает женщину менее женственной или *значимой*, – он подвинулся, склонив голову набок, как будто изучал меня. – Но ты... это удивило меня, вот и все. Я представил тебя матерью. Однажды, – его ухмылка вернулась. – Из меня вышел бы ужасный присяжный заседатель, да?

«Нет, ты бы прекрасно справился», – проскользнула мысль.

– Прости, что разозлилась на тебя, – вздохнув, промолвила я.

– Дважды.

Его кривая улыбка рассмешила меня, и я толкнула его локтем в плечо:

– Дважды.

– Ты определенно любишь спорить, да?

– Это входит в мои должностные обязанности, – сказала я. – Если у меня все еще будет работа, когда я выйду отсюда.

– В смысле?

– Помнишь, я говорила, что суд присяжных рассматривает очень важное дело? Самое важное дело за всю мою карьеру?

Кори кивнул.

– Они не изолированы. Без сомнения, они уже слышали о моей ситуации, и если адвокат защиты хоть немного хорош в своем деле, – а я знаю, что он хорош, – он попросит судью пересмотреть вердикт присяжных. Он будет утверждать, что присяжные, возможно, слишком сочувствуют мне и их решение продиктовано жалостью.

– Ты думаешь, он поступил бы так?

– Так поступила бы я.

– Значит, если ты проиграешь это дело, или если вердикт присяжных будет пересмотрен, или что-то подобное, – ты потеряешь свою работу?

– Не совсем, – я вздохнула. – Это просто станет препятствием на пути к моему карьерному росту. Я надеюсь стать партнером в фирме, в которой работаю, и победа в этом судебном процессе – мой козырь.

– Ну, – Кори нахмурил брови.

– Я имею в виду, что мне пришлось бы начинать все с начала, практически с чистого листа, – быстро проговорила

я. – У меня будет уйма работы, и мне придется оттеснять другие потенциальные иски, и...

«И почему я оправдываюсь перед ним за свою работу?»

Тихий голос прошептал в ответ: *«Потому что для Кори “тяжелая работа” означает выживание. Для тебя это “заключение партнерства”».*

Я откашлялась.

– Короче, у тебя будет много лишней работы, – кивнул он. Тревожная морщинка снова появилась у него на лице.

– А ты? – спросила я. – У тебя будут проблемы из-за отсутствия на работе? Если да, то у тебя есть неопровержимое алиби, – я одарила его улыбкой, на которую он не ответил.

– Да, и новый шрам в качестве доказательства, – мрачно сказал он. – Для подрядчика, на которого я работаю, все будет по-прежнему. Заставить его заплатить мне – все равно что вырвать зуб, и это даже хотя бы за меньшее количество часов, чем я на самом деле отработал.

Он вздохнул и повертел в руках окровавленной тряпкой.

– Главная проблема с моим домовладельцем. Он берет арендную плату только наличными или банковскими чеками. Стал жертвой недобросовестных жильцов. Поэтому я и пришел в этот банк. Мой босс тянул до последней чертовой минуты, чтобы заплатить мне, соответственно я сразу же попытался обналичить чек, чтобы оплатить аренду. Но из-за того, что я застрял здесь, я пропущу платеж. Я почти уверен, что меня выселят из квартиры к тому времени, как мы вы-

беремся отсюда.

– Твой домовладелец может так поступить? Даже зная ситуацию? – потрясенно спросила я.

– О да. Он такой. Но это еще не самое худшее.

– Нет?

Он искоса взглянул на меня, словно решая, можно ли мне довериться.

– Джорджия хочет переехать в Ситку, – выдохнул он.

– Ситка... Аляска?

– Та самая. Если у меня не будет достаточно хороших условий проживания для Кэлли, когда она приедет ко мне, судья, который занимается нашими делами по опеке, вероятно, позволит Джорджии переехать туда. У нее есть тетя в Ситке и соответственно дополнительная помощь в воспитании Кэлли.

– Я так понимаю, ты туда не хочешь.

– Это последнее, чего я хочу. Ни солнца, ни пляжа. Более того, там нет никаких строительных работ. Не то что в Лос-Анджелесе. И мой отец находится здесь в доме престарелых. У него болезнь Альцгеймера, и он уже мало что помнит, но я не хочу его бросать.

– Но если Джорджия переедет на Аляску, ты тоже переедешь?

– Конечно. Ради Кэлли, – Кори печально улыбнулся. – Так что да, группа монстров не могла выбрать худшего дня для своего дурацкого ограбления. Либо я выбрал не тот банк.

На мгновение я замерла, обдумывая его историю и чувствуя, как она проникает мне в душу. Несколько часов назад я была в шикарном ресторане с друзьями, которых я едва терпела, – не считая Лайлы, – обсуждала свой второй дом в Санта-Монике и ела салат за 28 долларов. Кори тем временем спешил в банк, чтобы заплатить арендную плату, пока его не выселили из квартиры, беспокоясь о потере опеки над своим ребенком.

– Боже мой, – сказала я спустя мгновение. – Ты, должно быть, думаешь, что я монстр.

– Что? Почему? – он быстро поднял глаза.

– Наверное, ты думаешь, что я избалованная, эгоистичная стерва.

– Я не считаю тебя избалованной...

– Нет? – я обвила колени руками. Нелепый бриллиант поцарапал ладонь. Мне хотелось швырнуть его через всю комнату. – Я тут ною о своем суде...

– Эй, – мягко сказал он. – У всех есть проблемы, так ведь?

Я подняла на него глаза, и на несколько мгновений конференц-зал и другие заложники исчезли. Ни уродливое люминесцентное освещение, ни рана над глазом не могли испортить красоту Кори и нежность, с которой он смотрел на меня.

– Я бы хотела... – начала я, и мне пришлось сглотнуть, прежде чем продолжить. – Я бы хотела как-нибудь помочь тебе.

– Ты уже помогла, – он улыбнулся своей кривой, очаровательной улыбкой.

Боже, что это? Он был так близко, что я видела мелкие морщинки на его пухлых губах, и мне стало интересно, каково это – прикоснуться к этим губам, почувствовать, как они накрывают мои, и забыть об этой страшной, ужасной ситуации на несколько драгоценных мгновений...

Рой засопел во сне, и мы отпрянули друг от друга. Я оторвала взгляд от Кори и огляделась. Голова Роя склонилась к его груди, и он громко храпел. Остальные тоже спали или дремали, несмотря на постоянный яркий свет ламп.

– Думаю, мне тоже нужно немного поспать, – сказала я. – У меня глаза слипаются.

«Или я просто не могу воздерживаться от неуместных мыслей о тебе».

Мне нужно было поспать, чтобы спастись от Кори, от его беспощадного, манящего присутствия. Мне нужно было установить некую дистанцию между нами, а это единственный способ, которым я могла воспользоваться в этом банке. Я вспомнила, что Кэрол говорила о его ране. Будь у него сотрясение мозга, сон мог бы быть для него опасным.

– Тебе нужно какое-то время бодрствовать, – сказала я ему. – Приказ доктора Кэрол. Разбуди меня примерно через час, и мы поменяемся местами. Договорились?

– Я хорошо себя чувствую.

– И ты говоришь, что это я люблю спорить, – я фыркнула.

– Хорошо, – рассмеялся он. – Договорились, – он указал на свое плечо, приглашая положить голову, если я захочу. – Располагайся.

Я поколебалась. Вот только такой дистанции между нами мне сейчас и не хватает.

– Спасибо, – прошептала я и прижалась щекой к грубой джинсовой ткани его куртки. И несмотря на опасность, на пугающие обстоятельства, я заснула в считанные секунды.

Глава 8

Кори

Без часов, отсчитывающих минуты, или окна, показывающего, как ночь сменяется днем, время ползло медленно. Делать было совершенно нечего – оставалось лишь слушать.

Издалека доносился шум вертолета, кружащего над банком. Ближе были слышны приглушенные шаги монстров, марширующих по коридорам, их низкие голоса, порой крики и ругань. Постоянно звонил телефон. Рядом со мной – тихое похрапывание моих товарищей-заложников. И совсем близко – дыхание Алекс, похожее на тихие вздохи. Пока она лежит у меня на плече, я лучше послушаю, как она дышит,

чем буду спать.

В сотый раз за эту ночь я боролся с желанием обнять ее и прижать к своей груди. Плохая идея. Мне и так было достаточно сложно контролировать свои мысли. Не стоит мучить еще и тело.

Но боже, она прекрасна. Ее волосы были рыжего оттенка – я никогда такого раньше не видел. По крайней мере, натурального. Темно-красный с золотым отливом. Если они были окрашены совсем недавно, – а я готов поспорить, что это не так, – то работа выполнена профессионалом. Я хотел бы увидеть их под летним солнцем, а не при свете этих уродливых люминесцентных ламп. Хотел бы высвободить их из этих чертовых шпилек, или что там она использовала, чтобы они крепко держались в прическе. Я хотел бы провести по ним пальцами, сжать их и приблизить ее лицо к своему, чтобы видеть, как ее рот приоткрывается, поцеловать ее так, как ее нудный жених, готов поспорить, никогда не целовал.

Мой пах напрягся, и я немедленно подавил подобные мысли. Глупо. Глупо и тщетно.

Я вздохнул.

С ума сойти, как быстро это произошло. Три секунды – и меня уже физически влечет к ней. Это легко объяснить. Но как Алекс так быстро стала настолько важной для меня – я не имел ни малейшего гребаного понятия.

В тот момент, взаперти, вдали от всех, кого я любил, у меня не было никого, кроме Алекс.

А у нее не было никого, кроме меня. По крайней мере, здесь. А то, что произойдет потом, не так важно. Мы выберемся отсюда, и жизнь вернется в нормальное русло. Она пойдет своей дорогой, а я – своей. Эта мысль вызвала у меня боль глубоко в груди, но я попытался отогнать ее. Это было неизбежно, и я прекрасно понимал, что нет смысла тратить время на нытье по поводу того, что я не в силах изменить.

Алекс пошевелилась рядом со мной, и я наблюдал за тем, как она просыпается. Она зажмурилась от яркого света и вытянула шею, слегка поморщившись. Я ничего не говорил, просто наблюдал за ней и, благодаря моему внезапно разыгравшемуся воображению, задавался вопросом, каково было бы проснуться рядом с ней в постели, а не в этом проклятом банке. Она дернулась, окончательно проснувшись и пытаясь прийти в себя. Я наблюдал за тем, как недоумение на ее прелестном лице вмиг сменилось страхом, а затем паникой, словно она что-то потеряла. Она повернула голову, взглянув на меня, и тень облегченной улыбки коснулась ее губ, когда она обнаружила мое присутствие, что заставило мое глупое сердце бешено забиться.

– Я думала, что все это был дурной сон, – пробормотала она. – Не считая тебя...

Она, должно быть, поняла, что сказала. Алекс скорчила гримасу и шлепнула меня по руке.

– Ты должен был разбудить меня.

– Разве?

– Мы же договорились.

– Тебе надо было отдохнуть.

– А если бы ты заснул, ты мог впасть в кому или что-то в этом роде. Или еще хуже.

– Рана не настолько серьезная, и я в любом случае не уснул, – хмурое выражение ее лица заставило меня улыбнуться. – Но спасибо за заботу.

Алекс фыркнула, и я подумал, что она могла бы задать мне взбучку, но вместо этого она улыбнулась. Великолепная.

«Неплохое начало дня, учитывая обстоятельства».

Но, черт возьми, день тянулся мучительно медленно. Желания много разговаривать не было ни у кого. Еду нам не принесли. Все были измождены от пережитого испытания. Лица, искаженные от страха и голода. Воды, которую дала нам банда монстров, было достаточно, чтобы мы не умерли от жажды, но не более того. В ящике стола лежал блокнот, а в кармане рубашки у Роя была ручка. Мы играли в «Виселицу» и писали записки близким. Кэрол, Гил и Рой играли в «Угадайку». Алекс потянулась, коснувшись лбом коленей и обхватив ноги руками. Что-то вроде занятий йогой. Это были все упражнения, какие ей позволили выполнить ее классическая юбка и пиджак. Слава богу.

Когда день подошел к концу и наступила ночь – насколько мы могли догадываться, – Сильвия заплакала.

– Как долго это еще будет продолжаться?

– Хороший вопрос, – сказал Рой, его бравада теперь по-

утихла. – Почему копы ничего не предпринимают? Почему они штурмом не возьмут здание или не заплатят, чтобы вытащить нас?

– Потому что плата за нас может создать опасный прецедент, – сказал фармацевт Гил. – Понимаете? Не ведя переговоры с террористами?

– Значит, они просто позволят нам умереть с голоду? – Рой фыркнул. – Или будут ждать, пока всех нас перестреляют?

– Успокойся, – сказал я. – От попыток выяснить, что они будут или не будут делать, легче не станет.

– О, простите, вы, похоже, нашли занятие получше, чем гадать, выберетесь ли вы отсюда живым? – Рой скрестил руки на своем большом животе. – У меня есть дети, знаете ли? Жена. Работа.

– У каждого из нас есть работа, дети и супруги, – отрезала Кэрол.

– У меня две маленькие девочки, – сказала Сильвия. Она улыбнулась сквозь слезы. – Я все время думаю о них. Увижу ли я их снова?

Таня придвинулась ближе к темноволосой женщине и обняла ее.

– Увидишь. И я увижу своего сына, – Таня выдавила из себя улыбку. – Ему семнадцать. Наверное, он сейчас играет в видеоигры до частичной потери зрения.

Остальные говорили о своих семьях, детях или супругах.

Я вкратце рассказал о своем больном отце, который жил в доме для престарелых, и даже немного о Кэлли. Я не хотел делать этого, но понял, что мне это было необходимо. Я был так далеко от своей девочки, но благодаря разговорам о ней я чувствовал, что она рядом со мной.

Алекс в основном молчала. Упомянула о своих родителях, с надеждой, что они не слишком беспокоятся, особенно ее отец. Но о своем женихе, Дрю, она не сказала ни слова.

Нам принесли фастфуд, предположительно, во время обеда. Алекс ничего не ела почти двадцать четыре часа, но и сейчас толком не притронулась к своей порции жирного бургера и картошки фри. В основном она сидела, сложив руки на коленях и вертя в руках огромное обручальное кольцо, прежде чем сунуть его в карман пиджака.

– Ты не ешь, – сказал я.

– Это не еда.

– Но похоже на еду, – я попытался улыбнуться. – В чем дело?

Она отрицательно покачала головой.

– Думаешь о Дрю?

Не то чтобы я хотел знать, но Алекс выглядела расстроенной, и если ей важно было поговорить, то самое меньшее, что я мог сделать для нее, – это быть рядом.

Она резко взглянула на меня.

– Что? Эм, да... да. Он, наверное, ужасно волнуется.

– Я в этом не сомневаюсь.

Я ободряюще улыбнулся, но встревожился, увидев ее глаза, полные слез.

«А что ты удивляешься? Она вдали от своего жениха и находится в опасности».

Я хотел обнять ее, но понял, что это было бы довольно глупо, ведь она плакала о другом мужчине. Но Алекс смахнула слезы, прежде чем они успели упасть, и тяжело вздохнула.

– Я никогда не плачу, – сказала она. – Никогда.

– Я понимаю...

– *Нет*, – настаивала она. – Это не повод. Я плачу не потому, что мне страшно или я скучаю по своим друзьям или семье, хотя я чувствую и то и другое. Конечно, я скучаю по своим родителям. Особенно по отцу. Я знаю, что он беспокоится больше, чем кто-либо другой. Моя мама очень хладнокровна и, возможно, считает, что все образуется, просто потому что она этого хочет, – она издала короткий и печальный смешок. – Жизнь подчиняется воле Мэрилин Гарденер. Уверена, монстры скоро это поймут.

Я улыбнулся, но ничего не сказал. Просто дал ей возможность выговориться.

– Мои друзья... – Алекс покачала головой. – Мы называем себя Бандой. Я не помню, кто первый нас так назвал. Наверное, Лайла. Из всех нас только она может сравнить группу женщин, обедающих в дорогих ресторанах, с бандой ковбоев. И, разумеется, остальные не поняли иронии. Они по-

считали это милым, – она фыркнула, разглаживая юбку. – Во всяком случае, у нас есть негласный лидер – Антуанетта. Пчелиная матка. Ей, наверное, завидно, что нечто столь необычное, как это ограбление, случилось с кем-то другим, а не с ней. Однако, если я умру здесь, она будет плакать громче всех на моих похоронах. Говорить такое о подруге ужасно, но это правда.

Я побледнел при мысли о похоронах Алекс. В голове возник образ белого гроба, увенчанного красными цветами, и я вздрогнул.

– Господи, не говори так. Никто не умрет.

Алекс ответила благодарной улыбкой.

– Моя подруга Минни, наверное, слезами обливается от беспокойства и проклиняет город за его варварство. Возможно, она пишет письмо мэру в резких выражениях, в то время как Рашида смотрит на это прагматично. *Когда* мы выберемся отсюда, она посоветует мне быть благодарной судьбе за то, что выжила, и не заикливаться на произошедшей неприятности. И Лайла... – Алекс судорожно вздохнула. – Моя лучшая подруга. Я скучаю по ней. И...

«И Дрю», – я ожидал услышать его имя, рассказ о том, как она скучает по нему и любит его и что плачет сейчас именно о нем. Я собрался с духом. Вместо этого она слабо улыбнулась мне, пожала плечами и взяла картофель фри.

– Эти штуки чертовски жирные.

Так разговор был окончен.

«Она не упомянула Дрю».

Эта мысль взбудрила меня лучше, чем фастфуд. Остаток вечера ничего не происходило, непринужденная беседа и несколько раундов «Виселицы», в которых я пытался рассмешить Алекс вонючим придурком Фрэнки. И она здорово посмеялась, пока мы оба не поняли, насколько это может быть опасно, если этот вонючий придурок увидит лист бумаги. Затем ее улыбка исчезла на весь остаток ночи. Я разорвал бумагу на мелкие клочки и выбросил в мусор от фастфуда.

Спустя какое-то время все свернулись калачиком на полу и уснули. Голова Роя склонилась на грудь. Таня и Сильвия сидели рядом, взрослая утешала молодую. Слева от меня мирно похрапывала Кэрол, Амита свернулась калачиком возле нее. Рядом с ними, положив голову на колени, спал Гил.

– Тоже хочешь немного поспать? – я похлопал себя по левому плечу. – Располагайся.

Алекс кивнула и положила голову мне на плечо.

– Спасибо. А как же ты? Ты не устал?

– Нет, я... мне и так хорошо, – сказал я, наслаждаясь ощущением ее веса на себе.

– Да, – сонно пробормотала Алекс, прижимаясь ближе. – Да, ты хороший.

– Я говорю, не я хороший, а...

– Слышу, – сказала она, засыпая. – Но, в любом случае это правда. Ты хороший человек.

Меня тронули ее слова. Но мне захотелось сказать ей, что это неправда. Если бы я был хорошим человеком, стал бы я допускать запретные мысли о ней? Я хотел приласкать ее, поцеловать, прикоснуться к каждой клеточке ее тела. Я ненавидел ее жениха просто за его существование. И что хуже всего, часть меня хотела остаться в банке, в окружении смерти и опасности, если бы это означало, что я продолжу видеть ее, смогу разговаривать с ней.

Ничего хорошего в этом нет.

Глава 9

Алекс

Выстрелы.

Крики.

Я резко проснулась, уверенная, что слышала и то и другое. Но в крошечном конференц-зале было темно и тихо. Если бы не отдаленный шум вертолета, кружащего над банком, трудно было бы поверить, что ограбление в самом разгаре. Остальные заложники дремали.

Я снова легла и услышала стук сердца. Засыпая, я положила голову на плечо Кори, а проснувшись, обнаружила, что

прижимаюсь к его груди. Его рука обвила мою талию, обнимая меня.

Я почти высвободилась, но передумала и прижалась к нему ближе.

«Я выхожу замуж за Дрю, но сначала я должна пережить это».

Ехидный голос прозвучал в моей голове: *«Неплохо, советник. Ни один суд присяжных в мире не осудил бы вас».*

Я зажмурилась, как будто это могло заставить замолчать голос в моей голове, который был подозрительно похож на голос Лайлы. В любом случае это правда: надо пережить происходящее, и я чувствовала себя в безопасности рядом с Кори. Тот факт, что я была помолвлена с другим человеком, ничего не менял. Только не здесь.

Тем не менее чувство вины пыталось проникнуть мне под кожу и нарушить мой сон. Но Дрю не было. Ни в банке, ни в моих мыслях. Когда Кори спросил, почему я чуть не заплакала, ответ был слишком болезненным, слишком неловким, слишком обескураживающим.

«Потому что я вообще не думала о Дрю. А разве я не должна думать о нем? Разве он не должен занимать каждую мою мысль? Разве я не должна рваться домой, к нему, чтобы он обнимал и любил меня?»

Я чувствовала себя измотанной, уставшей; весь этот кошмар, сопровождаемый невыносимой скукой. Разговоры с Кори заставляли меня трепетать и чувствовать вину одновре-

менно. Это были эмоциональные американские горки, с которых я хотела сойти.

«И никогда больше не увидит Кори?»

Я не хотела думать об этом и определенно не хотела признавать, что мое сердце отозвалось на эту мысль слабой болью потери.

Я теснее прижалась к Кори и почувствовала, как в ответ он крепче обнял меня за плечи. Моя макушка идеально пристроилась у его подбородка, а его ровный пульс успокаивал.

Я снова начала засыпать, но Кори пошевелился.

– Прости, – прошептала я. – Я мешаю тебе спать?

– Нет. То есть да, – прошептал он в ответ. – Но это хорошо.

– В смысле?

Его грудная клетка расширилась под моей щекой, когда он тяжело вздохнул.

– Сейчас не время и, черт возьми, точно не место, но... мне приятно обнимать тебя вот так. У меня давно такого не было, вот и все.

– Я понимаю тебя.

«О, я прекрасно тебя понимаю».

Голос Кори раздался у меня в ушах.

– Джорджия... Она не из тех, кто любит тактильную коммуникацию. Не любит, когда к ней прикасаются или обнимают.

– А ты любишь.

Я подвинулась, чтобы лучше видеть его лицо во время

разговора. Моему взору открылся его профиль, челюсть и щека, покрытые двухдневной щетиной. Я поняла, что безумно давно не была так близка к мужчине, не вдыхала его аромат, не чувствовала тепло его тела. Аура или присутствие Кори окутало меня чем-то, что было так чуждо Дрю. Что-то вроде мужественности, которая напоминала соленый океанский воздух и теплый песок вместо стерильных офисов и кондиционеров.

– Да, люблю, – раздался низкий и сексуальный смех Кори, зародившийся глубоко в его груди. – Да, наверное, я размазня. Мне нравится все это: держаться за руки, обниматься...

– Обниматься? – поддразнила я.

– Ага. Не пойми меня неправильно, мне нравится и все остальное... то, что предшествует объятиям. Мне это безумно нравится, – он рассмеялся. – Я не знаю; это восходит к брачным отношениям. К партнерству. Я вел беспорядочный образ жизни, когда был моложе, и, наверное, просто выбросил это из головы. Или, может быть, Кэлли успокоила меня. В любом случае... – он пожал плечами. – Как я уже сказал, я размазня. Из-за всего этого.

– Я тоже, – начала я, но осеклась. – Или, по крайней мере, мне кажется, что я такая. Мы с Дрю так заняты. Мы почти никогда не ходим куда-то вместе, если только это не связано с работой, и...

Кори не давил на меня, а молча ждал продолжения. Но я решила на этом остановиться.

– В любом случае, – произнесла я, – нет ничего плохого в том, чтобы быть размазней. Это даже мило.

– Да, но у понятия «мило» есть и обратная сторона, – серьезно сказал Кори, – и Джорджия знает о ней. Она постоянно мне пишет, в основном, конечно, по поводу Кэлли. Но время от времени она ни с того ни с сего бывает излишне любезной. Она добавляет «я люблю тебя» в каждое сообщение без всякой причины. Например: «Ты должен забрать Кей в час дня. Люблю тебя», – он покачал головой. – И я ведушь на это каждый чертов раз. Я думаю, ладно, она хочет снова быть вместе, и она знает, что я об этом думаю. Я иду к ней домой, мы гуляем вместе – она, Кэлли и я, и это здорово. Такое чувство, что мы... едины. Семья.

Я слушала восхищенно и неподвижно. У меня сдавило горло, когда я услышала эти два слова, произнесенные им.

– Но как только Кэлли ложится спать, я осознаю, какую ошибку я допустил. Джорджия и я... нам не о чем говорить, и все заканчивается тем, что мы просто занимаемся сексом, а это неправильно. По крайней мере, для меня. Никаких поцелуев. Полагаю, она просто удовлетворяет свое желание со мной. Потому что на следующее утро она заводит разговор о том, что мы не должны повторять одни и те же ошибки, о том, что я не хочу поступать правильно – то есть получать степень, – а она не хочет «слишком рисковать ради того, что, скорее всего, не оправдает ее ожиданий». Я злюсь и спрашиваю ее, какого черта она меня пригласила, а она задает

встречный вопрос о причине моего прихода к ней домой, и все просто... накрывается медным тазом. Круговорот дерьма повторяется вновь и вновь.

– Ты все еще любишь ее? – медленно спросила я, в глубине души удивляясь, что задаю этот сугубо личный вопрос парню, за которым стояла в очереди в банке менее тридцати часов назад.

– И да и нет, – ответил Кори. – Она мать Кэлли. Я всегда буду любить ее за это, в некотором смысле. И видит бог, я бы постарался обернуть это в пользу Кэлли, потому что если есть любовь, хотя бы небольшая, тогда есть шанс, верно? Это то, в чем я себя убеждаю, несмотря ни на что.

– Звучит так, словно Джорджия, – *«манипулятивная стерва»*, – подумала я, – тоже не совсем знает, чего хочет.

– Я думаю, она точно знает, чего хочет, и я, вот такой, точно не вхожу в ее планы, – вздохнул Кори. – Прости, что вывалил все это на тебя. На самом деле я впервые говорю об этом. Довольно запутанно, я знаю.

– Ты пытаешься поступить правильно.

– Думаешь, это все, что в моих силах?

– Я не знаю, – пробормотала я.

– Мне кажется, что я давно не принимал правильных решений, – вытянув шею, он посмотрел мне прямо в глаза, и я почувствовала теплоту в его взгляде. – Эй, прости, что говорил тебе гадости о твоих деньгах и о нежелании иметь детей. Я перегнул палку. Я просто чувствую, будто...

– Что? – тихо спросила я.

– Будто я знаю тебя очень давно. Немного странно, правда? Но именно поэтому я только что почти сто часов говорил о дерьме, что происходит у меня с Джорджией. Обычно я так не срываюсь. С тобой легко найти общий язык, Александра.

Он снова улыбнулся своей удивительно очаровательной улыбкой, хотя эмоции в его глазах были гораздо глубже, чем глупая ухмылка. Я чувствовала, как они затягивают меня, куда то, что я видела, не стало моим собственным отражением в карих бархатных глубинах, и та я, что находилась там, сильно отличалась от той, с кем я боролась в зеркале каждое утро. В отражении его глаз я была мягче, теплее.

Я села и неохотно высвободилась из его объятий. Мои руки сжались на коленях, когда слова вырывались наружу.

– У меня есть сомнения.

Кори нахмурился.

– По поводу чего?

– По поводу замужества.

Пауза.

– Так.

– Может, я просто волнуюсь. А может, и нет. Просто иногда мне кажется, что мы с Дрю обручились, потому что так было логично, а не потому, что мы... – я глубоко вздохнула. Чувство вины быстро сменилось облегчением, когда я высказала, что было у меня на душе. – Мы вместе с колледжа, – добавила я уже спокойнее. – Калифорнийский университет

в Лос-Анджелесе. Я тогда только разорвала серьезные отношения, а Дрю был рядом, не давил, просто был моим другом, — я покачала головой. — Я так ясно теперь это вижу, даже тогда... Даже тогда он действовал медленно и в нем совсем не было страсти. Я думала, он дает мне время пережить мой разрыв. Но после того, как мы стали парой, страсти все еще было... недостаточно.

Кори приподнял бровь. Мое лицо пылало.

— Я думала, что редкое проявление нашей... страсти объяснялось тем, что мы оба заняты. На самом деле я не ставила под сомнение наши отношения. Они были чем-то само собой разумеющимся как для всех, так и для нас самих. У нас были общие цели... Мы оба получили высшее юридическое образование в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Помолвка была чем-то вроде неизбежного решения или деловой сделки. Это не его вина. И не моя. В ту ночь, когда мы обручились, мы обсудили наши жизненные цели и заключили соглашения, как, например, решение не заводить детей, а затем он надел это кольцо мне на палец так, будто для него это было все равно что взять ручку и подписать контракт. Я улыбнулась и сказала: «Да». Мы кратко поцеловались, а потом он заявил, что ему нужно завершить кое-какую работу перед сном. Так что я... — я остановилась и взглянула на внимательно слушающего Кори. — Поверить не могу, что рассказываю тебе об этом.

Слабая ухмылка снова появилась у него на лице.

– Я тоже.

– В любом случае тут особо нечего добавить. Я легла в постель и ждала его. Ждала и ждала до тех пор, пока не уснула. Думаю, он вышел из домашнего офиса к двум. На следующее утро мы встали и занялись своими делами, словно ничего не изменилось. Думаю, так и есть, за исключением того, что теперь нужно планировать вечеринку по случаю помолвки и свадьбу. Это отвлекает меня от работы, но не более того.

– Погоди, погоди, погоди, – произнес Кори. – Ты хочешь сказать, что у вас не... Я имею в виду, он не... даже после того, как вы *обручились*? Вы... *когда-нибудь*?

Мое молчание было достаточным ответом, и он тихонько присвистнул сквозь зубы.

– Он что, сумасшедший?

– Нет...

– А я думаю, что да. Быть вместе, и не... – он безнадежно махнул рукой. – Господи, Алекс, ты прекрасна. Умна. И невероятно сексуальна...

– Ты считаешь меня сексуальной? – поинтересовалась я.

Я ничего не могла с собой поделать. Может, со стороны это выглядело жалко, но от Дрю я сто лет не слышала ничего подобного. Я почувствовала, как по спине пробежал трепет.

– Ты шутишь? Ты сногшибательна. Если бы мы с тобой... Я имею в виду, если бы мы были... – Кори прислонился к стене и рассмеялся. – Ты можешь попросить меня заткнуться и положить конец страданиям. Сейчас самое время.

Я не засмеялась. Я даже не улыбнулась. Странная, глухая боль, существование которой я отказывалась признавать, кровоточила во мне, точно старая рана.

– Я не хочу, чтобы ты молчал, – сказала я ему. – Приятно это слышать. Я так давно не слышала ничего подобного, ко мне давно никто не прикасался, и у меня не было близости ни с кем на протяжении нескольких месяцев. Я постоянно занимаюсь йогой и убеждаю себя в том, что это помогает снять напряжение. По большей части это правда. Но также я занимаюсь ей потому, что так пытаюсь сохранять контакт со своим телом. Вдохнуть в него жизнь, разогнать кровь, потому что я чувствую, что живу только в своей голове, а мое тело кажется таким холодным и пустым. Если это имеет значение.

– Да, – проговорил он хрипло. – Я понимаю.

Я моргнула. Низкий, хриплый голос Кори вывел меня из этих странных раздумий. Я никогда не говорила правды – даже Лайле – до этого момента. У меня не было слов, чтобы описать мучительное чувство сожаления каждую ночь, когда я ложилась спать рядом со своим женихом, который даже не прикасался ко мне, не считая нежного поцелуя в щеку. Я сказала все это вслух, но не Лайле и не другой близкой подруге, а Кори Бишопу, мужчине, которого я встретила совсем недавно, и стыд, точно узел, скрутился у меня в животе.

– Я не должна была этого говорить. Дрю – замечательный человек. Он – сама доброта и любезность. Любая женщина

сочтет за счастье заполучить такого мужчину. *Мне повезло с ним. Может быть, я просто эгоистична или избалована, но я хочу...*

– Чего? – Кори сверлил меня взглядом. – Чего ты хочешь, Алекс?

За долю секунды у меня разыгралось воображение. Сильное тело рабочего, восхитившее меня в Кори, теперь предстало в обнаженном виде в моем воображении: рельефные и глубокие линии мышц, гладкая кожа, местами покрытая татуировками, – не сомневаюсь, что у него их было несколько, – и эти его большие руки... Я видела их – *чувствовала* – на своем теле: он касался меня, хватал, брал.

Я была с ним, моя голова была запрокинута, мои волосы растрепаны и распущены, чтобы он мог запустить в них свои руки. Я принадлежала ему, была в его плену и власти, позволяя делать все, что он хотел. И не было ничего сексуальнее и ничего приятнее, чем подчиняться Кори, позволять ему делать все, что ему заблагорассудится, потому что это было именно тем, чего я жаждала...

Я моргнула и чуть не застонала вслух.

«Боже, что со мной такое, черт побери?»

Я попыталась вспомнить то, о чем говорила.

– Ничего. Я ничего не хочу. Наверное, снова уснуть. Я становлюсь раздражительной.

Кори кивнул со странным, загадочным выражением лица, и на одно ужасное мгновение мне показалось, что он увидел

себя в моей мечте. Затем он мягко улыбнулся и похлопал себя по плечу.

– Располагайся.

Я колебалась, задаваясь вопросом, могу ли я себе доверять.

«Возьми себя в руки. Твои крайне неприличные мечты о Кори – результат страха и усталости, не более».

Я склонила голову к его плечу, он обнял меня. Сильные, мускулистые, но в то же время теплые и успокаивающие руки. Надежные.

Я закрыла глаза, чувствуя себя в абсолютной безопасности. Должна признать, что возбуждение, которое я испытала здесь и сейчас, не имело ничего общего со страхом или усталостью. Совсем ничего.

Глава 10

Кори

Впервые с момента начала этого испытания я действительно заснул. Я заснул, обнимая Алекс, и проснулся, защищая ее в своих объятиях. Это был лучший сон, на который мог надеяться человек, запертый в банке с вооруженными психами под безжалостным люминесцентным освещением и с бетонной плитой вместо кровати.

Будь проклята эта женщина и будь проклято мое глупое сердце за то, что я пытался ухватиться за все, сказанное ею о своем женихе прошлой ночью.

Ее жених. Кстати, о сумасшедших...

Он, должно быть, невменяемый, раз спит рядом с этой женщиной каждую ночь и просто... что? Ничего не делает? Безумие.

Я крепче обнял Алекс, и в мой мозг закралась совершенно низменная мысль.

«Она моя. Здесь, по крайней мере, она моя».

Конечно, это не так. Алекс не принадлежала никому, кроме самой себя. Я чуть не рассмеялся вслух, подумав о том, что бы она сказала на такое заявление о праве собственности. Я представил, как она хмурит брови и как в ухмылке у нее приподнимается уголок рта. Затем она разворачивает большую лекцию об упрямстве мужчин, а я просто слушаю, как она говорит, она говорит, а я слушаю...

Я одернул себя и выругался себе под нос. Я зашел слишком далеко, фантазируя о том, как она читает мне нотации.

«Это нужно прекратить. Ты заблуждаешься, ведь, когда все закончится, это разрушит тебя, если ты сейчас же не возьмешь себя в руки».

Я кивнул, поклявшись держаться на расстоянии и меньше делиться чем-то личным – *«Господи, неужели я действительно сказал ей, что мне нравится держаться за руки?»* – и сосредоточься больше на том, чтобы выбраться отсюда. И начну я прямо сейчас.

Я медленно попытался высвободиться из объятий Алекс, лежавшей у меня на груди, но она пошевелилась и проснулась. Сонная легкая улыбка коснулась ее губ, когда она села,

и, черт возьми, мое сердце бешено забилося при виде этого. До нее еще не дошло осознание того, где она находилась, и опасность, с которой мы столкнулись, и поэтому она так улыбалась. Мне.

– Доброе утро, – прошептала она.

– Доброе утро, – ответил я, и, прежде чем понял, что происходит, небольшое пространство между нами исчезло, и мои губы прильнули к ее губам. Она не пошевелилась и не отстранилась, но я услышал тихий хриплый вздох, когда мои губы коснулись ее, так мягко...

...а затем из коридора донесся звук хлопнувшей двери. Адреналин хлынул по моим венам, заставив меня вскочить.

Снаружи поднялась суматоха, как будто в нашу сторону надвигалась буря. У меня сердце в пятки ушло, и я высвободился из цепких рук Алекс, пытающейся остановить меня, не давая мне встать. Я подкрался к окну и выглянул наружу.

Дракула, Фрэнки и Оборотень стояли за дверью соседнего кабинета. Они ворвались внутрь, но я успел заметить телефон в руках Драка.

Я слышал крики, плач, приглушенные проклятия, безжизненный голос Дракулы и квохчущий смех Фрэнки. Допрос. И почему-то я был абсолютно уверен в том, что в руках Драка телефон Амиты.

Мое сердце екнуло, и я поспешил к Амите, которая лежала, свернувшись калачиком, и все еще спала.

– Амита! – прошипел я. – Проснись!

– Что?..

– Твой наушник. Дай его мне, – я оглянулся через плечо.

Они придут с минуты на минуту.

Она вытащила выключенный наушник и протянула его мне.

– Не говори ни слова, – сказал я ей.

– Я не...

– Никто из вас, – прошипел я группе. – *Ни единого слова!*

Я сунул наушник в задний карман и сел. Резко. Я почувствовал, как он сломался – и при этом ушиб мою задницу – как раз в тот момент, когда дверь рывком распахнулась.

Фрэнки, Оборотень и Дракула ворвались внутрь. У всех маски были сдвинуты на макушки. Сохранять анонимность явно больше не имело смысла. Все заложники проснулись, раздались приглушенные крики или вздохи.

Дракула обвел взглядом помещение.

– Бюро находок, – сказал он своим безжизненным голосом. Он вертел телефон в руке снова и снова, точно колоду карт. – Кто-нибудь терял телефон?

Его угрожающий тон не обещал ничего хорошего, но, к счастью, моя группа держала рот на замке. В частности, Амита. Я не смел взглянуть на нее, но мысленно приказывал ей не говорить ни слова. Несмотря ни на что.

Драк присел на корточки посреди маленького кабинета, пристально рассматривая каждого из нас по очереди, в то время как Фрэнки взволнованно прыгал с ноги на ногу по-

зади него. Очевидно, у него была еще одна доза веществ, на которые он подсел.

Оборотень стоял на страже в дверном проеме. Его лицо, без маски, было простым и усталым и не таким чудовищным, как у его товарищей. Он напряженно наблюдал за происходящим, его темные глаза нервно блестели.

Дракула держал айфон двумя пальцами. Тонкий и новый – последняя модель, с простой глянцевой черной поверхностью.

– Это последний кабинет. И, должен сказать, что мое терпение вот-вот лопнет на хрен.

Фрэнки хихикнул у него за спиной, его рябое глупое лицо перекосило от радости, а язык вывалился, как у собаки.

– Прошлой ночью, – сказал Драк, – мои монстры рылись в драгоценностях и заметили кое-что необычное в этом телефоне. Казалось, по нему говорил призрак. Представляете?

Слева от меня застонала Сильвия. Я не осуждаю ее. Непринужденные, разговорные фразы Драка в сочетании с его безжизненным голосом звучали жутко. Алекс нащупала мою руку и сжала.

– Любопытная штука. Мой человек поднял трубку. Этот тупой, безмозглый ублюдок, не слушая, кто говорит, сразу *поздоровался*. Представляете? Он *поздоровался*.

Я облегченно вздохнул: получается, они не слышали, как Амиа разговаривала с полицией. Но не тут-то было.

– Оказывается, он поздоровался с полицией, – продолжал

Драк. – Они пытались вступить с ним в контакт, но у него хватило мозгов принести телефон мне, и как раз в тот момент, когда сел аккумулятор. Ну, не дерьмо ли, а?

Скулы Драка свело от ярости, и я увидел, как его безжизненные глаза стали еще более пустыми. Это была акула, у которой закатились глаза перед убийством.

– Я хочу узнать, кто изливал душу копам, и узнать это я должен *сию же, сука, секунду!*

Драк рванул вперед. Слова, которые он проревел, все еще звенели в наших ушах, когда он со сверхъестественной скоростью схватил Таню за шею.

Таня издала сдавленный крик и замолчала, когда рука Драка сжалась под ее подбородком. Ее лицо покраснело, губы беззвучно шевелились, и она беспомощно схватила его руку, вцепившуюся в нее мертвой хваткой.

Фрэнки плясал у него за спиной.

– Да! Да! Сделай это, братан! Прикончи эту стерву!

– А я могу, Фрэнки, – сказал Драк, его голос снова обрел безжизненный тон. Он взглянул на каждого из нас и свободной рукой прикоснулся к щеке Тани. – Один небольшой поворот головы...

В фильмах герой боевика всегда смело бросается вперед, глубоким и сильным голосом требуя от злодея, который во всем превосходит его, имея свою группировку и оружие, отпустить девушку.

Я не был героем боевика. Мои руки дрожали, и я был го-

тов обмочиться. Я не был готов умереть, но и не смог бы смириться с тем, что из-за моей трусости кто-то погибнет.

– Это мое, – сказал я отнюдь не смелым и не сильным голосом. Ногти Алекс впились в тыльную сторону моей ладони. Я знал, что она пытается заткнуть мне рот, но боль лишь помогла мне сосредоточиться. – Это мое, – повторил я, на этот раз громче. – Я разговаривал по телефону с копами.

– Чушь! – взвизгнул Фрэнки. – Он врет. Готов поспорить, что он пытается защитить одну из этих сук. Ту, рыжую. Либо Индийскую Принцессу.

Лицо Тани уже было почти фиолетовым, глаза вылезли из орбит, ноги слабо скребли по полу.

– Клянусь, это мое, и я могу это доказать, – сказал я. – А теперь отпусти ее. *Отпусти ее.*

Драк опустил руки, и Таня свернулась на полу, кашляя, задыхаясь и хватаясь за шею. Сильвия храбро подползла к ней и помогла ей отодвинуться от Драка, который уставился на меня взглядом дохлой рыбы.

– Ну?

Я вдохнул, но мое дыхание сбилось, а сердце бешено колотилось в груди. Я порылся в заднем кармане и достал обломки наушника.

– Я разговаривал с помощью этого.

– Это ни хрена не доказывает! – прорычал Фрэнки. – Братан, почему бы тебе просто не убить этого ублюдка? Или позволь мне! Я сделаю это. Я сделаю это прямо сейчас.

– Это изящный танец, который мы танцуем с полицейскими. Где-то плюсы, где-то минусы.

Он опустился передо мной на колени, вытащил из-за пояса бренок кольт 45-го калибра и прицелился мне между глаз.

Каждый мускул в моем теле напрягся, дыхание перехватило.

«Вот и все. Кэлли... Я люблю тебя...»

– Сперва минусы, потом плюсы, – пробормотал Драк. – Амида Патель.

Я сумел сдержаться и не вздрогнуть. Замешательство бо-ролось со страхом, а мой взгляд был прикован к маленькому черному дулу пистолета.

– Д-да? – выдохнула Амида.

– Вставай.

Я облизнул губы:

– Погодите...

Драк щелкнул предохранителем, и слова замерли у меня на устах. Драк, все еще целясь в меня, заговорил с Амитой, будто с маленьким ребенком.

– Знаешь, что я ненавижу больше всего на свете? Повторять. В другом кабинете есть тупая сука с пальцами размером с польские сосиски, которая могла бы это подтвердить. Помнишь ее? Вста-вай.

Я не видел ничего, кроме этой маленькой черной дыры небытия, а затем Дракула прижал дуло к моему лбу.

– Взглянешь на него еще раз, и я вышибу ему мозги.

Кровь в моих венах застыла. Мое сердце превратилось в ледяной шар, излучающий холодный страх из моей груди. Рука Алекс в моей руке была единственным теплом, оставшимся в мире.

– Хорошо, – прошептала Амита, поднимаясь на ноги. – Ладно. Пожалуйста... не трогайте...

– Заткнись на хрен! Скоро ты отсюда выйдешь.

– Я... я? – Амита ахнула.

Дракула убрал пистолет от моей головы – казалось, будто груз всего мира свалился с плеч, – и присел на корточки, изучая меня, склонив голову набок.

– Ты, – ответил он ей. – Часть танца. Похоже, ты что-то значишь для кого-то важного, и отдав тебя, мы получим что-то важное взамен. Где-то плюсы, где-то минусы.

Я не осмелился взглянуть на нее прямо, но увидел, как Амита бросила на меня прощальный взгляд, прежде чем Болотная Тварь вывела ее из помещения, как раз когда вошла Мумия.

– Нашел, – с руки Мумии свисал белый кабельный шнур. – Думаю, подойдет.

– Так давайте проверим, а?

Драк поднялся на ноги, взял белый шнур у своего помощника и вставил один конец в гнездо телефона. Мое сердце дрогнуло.

«А чего ты ожидал? – с горечью подумал я. – Что ты перехитришь бандитов своим гениальным планом?»

По крайней мере, Амита была в безопасности. Да, это так. Отец бы одобрил.

Драк подключил сотовый телефон к розетке под окном, а затем снова повернулся к нам.

– Итак, расклад такой. Наш с копами изящный танец принял неудачный поворот. Они обманули меня, разговаривая за моей спиной. Возможно, с тобой, – сказал он мне, – возможно, с кем-то другим. Возможно, с мисс Патель, которая только что провальсировала через парадную дверь. На самом деле, я бы поставил десять тысяч из тех денег, которые мы собираемся украсть, на то, что этот телефон принадлежит мисс Патель и что вы, мистер?..

– Бишоп, – глухо проговорил я. – Кори Бишоп.

– Я готов поспорить, что мистер Бишоп по глупости решил сыграть героя в надежде спасти ее. Поздравляю. Миссия выполнена.

Искра надежды зажглась... а затем погасла после слов Драка.

– Чтобы получить то, что мы хотим, нам нужно было освободить ее. Но кто-то должен быть наказан за этот проступок.

Фрэнки хихикнул и вытер слюну с подбородка.

– Сейчас этот телефон зарядится, и мы узнаем, кто на самом деле его владелец. Если это вы, мистер Бишоп, я вознагражу вас за то, что вы сказали правду, всего лишь выколов вам глаз. Если же вы лжете... – он направился к выходу, но остановился, кивнув Фрэнки: – Убей его.

Глава 11

Кори

«Убей его, убей его, убей его...»

Эти слова похоронным звоном прозвучали в моей голове в такт медленному, глухому удару сердца. Алекс так сильно сжимала мою руку, что ее ногти оставили отпечатки полу-месяцев на моей коже.

Фрэнки плясал, как нетерпеливый шимпанзе, хотя мне показалось, что в его глазах отражался страх. Сомнение. Если бы он не был под действием наркотических веществ, у меня была бы надежда, что он не рискнет. Но какие бы наркотики он ни принимал, они придавали ему маниакальную,

мнимую опрометчивость.

У двери Оборотень так разочарованно покачал головой, будто безнадежно утратил смысл жизни. Я приложил усилия, чтобы успокоиться и подумать. Может быть, в Оборотне было что-то такое, чем я мог бы воспользоваться, чтобы спасти свою задницу.

Но сколько времени потребуется для достаточного уровня заряда телефона, чтобы разблокировать его и найти селфи Амиты на заставке? Я предположил, что у меня есть максимум минута, чтобы придумать что-нибудь, что угодно, но мой разум заклинило.

Никто не смотрел на меня. Все были загипнотизированы мобильным телефоном и ждали. Как будто был возможен какой-то другой исход. Как будто мы все не знали правды.

На полу засветился экран мобильного телефона. Фрэнки издал возглас, а Алекс схватила меня за руку второй рукой.

– Нет... – прошептала она.

Фрэнки присел на корточки у телефона, его палец плясал по спусковой скобе оружия, лицо расплылось в широкой улыбке.

– Ха! Прямо на экране! Амида, сука, Патель. – Он злобно хихикнул и указал на меня, как школьная сплетница. – Лжец! Ты труп, лжец. Тебе конец.

– Не делай этого, – крикнула Таня слева от нас. – Пожалуйста.

– Ты не убийца, – Кэрол обратилась к Фрэнки. – Ты хоро-

ший парень...

– Заткнись, старая карга.

Оборотень оглядел коридор, неловко переминаясь с ноги на ногу:

– Забей, Фрэнки.

– Черта с два! Ты слышал моего брата. Я должен это сделать, – AR-15 Фрэнки все еще был у него на плече. Он взял его в руки и прицелился в меня. – На колени. В центр!

– Эй, эй, давай не здесь, – Оборотень вошел в комнату. – В задней части есть еще один кабинет. Давай там.

– Не-а, – Фрэнки покачал головой. – Ни в коем случае. Я хочу, чтобы они видели. Особенно она... Рыжая.

Я буквально окаменел – как будто мое тело превратилось в тяжелый камень вместо плоти и крови. Мне потребовалось усилие, чтобы обернуться, взглянуть на Алекс и попытаться придать ей хоть немного уверенности.

«Все будет хорошо, – хотелось мне сказать ей. – С тобой все будет в порядке».

Ее красивое лицо исказилось маской ужаса. Какое-то извращенное счастье пробилось сквозь трещины моего каменного страха, ведь это обо мне так сильно беспокоилась, но куда мучительнее было мне видеть ее страдания.

– Кори... – Алекс вздохнула.

В этот момент появился Оборотень и поднял меня на ноги.

– *Не здесь*, – сказал он Фрэнки.

Судя по всему, Оборотень обладал некоторой властью, раз Фрэнки ему повиновался.

– Да, да, хорошо. Давай просто покончим с этим. Мне *не терпится* сделать это.

– Нет, – сказала Алекс охрипшим от ужаса голосом. – Нет, нет. *НЕТ!*

Она вскочила на ноги, и я не успел ее остановить. Она бросилась на Фрэнки, нанося удары и царапая его, но он схватил ее за запястья и скрутил их, вызвав крик боли и поставив ее на колени.

– Не сейчас, Рыжая, – смеялся он. – Дождись своей очереди. Я позже поиграю с тобой, о да, – он посмотрел на меня. – Видишь? Видишь, как она стоит передо мной на коленях? Я хочу, чтобы ты запомнил это. Хочу, чтобы эта картинка стояла у тебя в мозгах, когда я пристрелю тебя, потому что... – он рассмеялся, ему в голову пришла мысль. – О, черт, да! Вот что она сделает мне позже. *Отсосет...*

Раскаленная, бешеная ярость захлестнула меня, освобождая от трупного окоченения страха. Я оттолкнул Оборотня в сторону, чтобы добраться до Фрэнки.

Ублюдок отпустил Алекс и с легкостью увернулся. Он схватился за пистолет, но это меня не остановило. Меня в любом случае собирались убить. Мне было нечего терять.

Фрэнки отшатнулся, его глупая ухмылка исчезла, когда я бросился на него. Я ожидал пули в спину от Оборотня в любую секунду, но этот страх был далеким, несущественным.

Я схватил пистолет Фрэнки, прежде чем он успел направить его на меня, и заставил монстра отступить. Он был щуплый слабак, мне ничего не стоило прижать его к стене между окном и дверью. Я пригвоздил его к месту его же оружием и, наклонившись, приставил пистолет ему к горлу. Его глаза вылезли из орбит, а бледная, рябая кожа покраснела. Я почувствовал грубую руку на своей, а затем Оборотень оттолкнул меня.

– Достаточно, – сказал он твердым голосом. – Пошли.

Фрэнки упал и судорожно дышал, когда я отпустил его, но снова потянулся за пистолетом. Оборотень встал между нами.

– *Пошли.*

Фрэнки потерял шею на месте следов от AR.

– Ты – труп, ублюдок! – хрипло проговорил он. – Тебе конец.

Он вышел из кабинета в коридор, Оборотень подтолкнул меня, заставляя идти. Другие заложники запротестовали, но он повернулся к ним, заставив их замолчать и съежиться взмахом оружия слева направо. Уже в дверях я попытался взглядом найти Алекс, но Оборотень вытолкнул меня и закрыл за собой дверь.

Мы пошли по коридору в том же направлении, что ходили в уборную. Фрэнки плелся впереди, скуля, ругаясь и потирая горло. Оборотень шел вплотную за мной, уперев дуло пистолета мне в поясницу.

– Проследи за тем, чтобы он ее не трогал, – пробормотал я через плечо. Гнев медленно отступал, и теперь я побледнел от страха. – Обещай мне. *Обещай мне.*

– Да, хорошо, – сказал Оборотень, когда мы свернули в короткий коридор после уборной. Я видел дверь в конце и почувствовал себя заключенным, которого ведут к электрическому стулу. Смертник идет.

Фрэнки открыл дверь и проскользнул внутрь. Лицо Оборотня приблизилось к моему уху.

– Он не заряжен.

– Что?.. – я моргнул.

– Его пистолет не заряжен, – прошипел Оборотень так тихо, чтобы Фрэнки не слышал. – Ты бы оказал нам услугу, надрвав ему задницу, только не убей его.

Затем он втолкнул меня внутрь и закрыл за мной дверь.

Глаза Фрэнки расширились от удивления при таком рас-

кладе, но он держал свое оружие между нами наготове.

– О'кей, хорошо, я могу это сделать. Я не нуждаюсь в том, чтобы этот придурок следил за каждым моим движением, – сказал он, подбадривая себя. Он держался на расстоянии, и я не мог снова его атаковать.

Я попытался успокоиться, глубоко вдохнул и медленно двинулся. Оборотень вполне мог солгать, но не думаю. Я не мог понять, почему он помогает мне... Ладно, пойму это позже. Если «позже» наступит для меня.

– Встань... эм, туда, – Фрэнки указал пистолетом, чтобы я встал по центру маленького кабинета, который выглядел так, словно им не пользовались. Стул, стол, лампа и больше ничего.

Мне казалось, я слышал, как кровь стучит в ушах, каждая секунда приближала меня к тому, чтобы узнать, сказал ли Оборотень правду или солгал. Фрэнки держался на расстоянии, наставив на меня оружие, и тогда я понял, что если выживу, этот момент будет преследовать меня во сне вечно.

Фрэнки ничего не говорил, я тоже. Я не собирался доставлять ему удовольствие видеть, как я прошу или умоляю. Я знал, что не смогу отговорить его, но и сдаваться без боя тоже был не намерен.

– На колени! – Фрэнки взвизгнул и придвинулся достаточно близко.

Я ожидал почувствовать удары пуль в грудь и живот, но в маленьком кабинете раздались лишь несколько щелчков,

когда Фрэнки отчаянно нажимал на спусковой крючок. Я замер на секунду от облегчения, вздрогнул, а затем врезал ему изо всех сил.

Я схватился за оружие, вырвал его из рук Фрэнки и, размахивая пистолетом, точно бейсбольной битой, ударил ублоудка по правой руке, когда он поднял ее, пытаясь защититься. Хрустнули кости, он взвизгнул, как раненая собака. Я склонился в другую сторону, ударив прикладом пистолета по его левой руке. Хрустнуло еще больше костей, и он взвыл.

Фрэнки упал на колени, держа перед собой искалеченные руки, плача и не веря своим глазам. Три пальца на его правой руке были согнуты под неправильными углами и стали фиолетовыми. Большой и указательный пальцы на его левой руке выглядели точно плотно набитые мешки – кожа натянулась и блестела.

«Теперь он не сможет прикоснуться к ней. Что бы ни случилось со мной, он не сможет прикоснуться к ней».

Фрэнки посмотрел на меня со слезами на глазах.

– За что?

– За что? – я с отвращением отбросил пистолет. – Я выполняю обещание.

Он простонал. Я даже не знаю, слышал ли он меня. Оборотень вернулся, удовлетворенно кивая. Фрэнки поднял свои распухшие руки вверх.

– Смотри! Посмотри, что он сделал!

– Убирайся отсюда, Фрэнки, – голос Оборотня звучал

устало.

– Но... он...

– Проваливай!

Фрэнки выбрался наружу, шмыгая носом, даже не угрожая мне на прощание.

– Почему? – я посмотрел на Оборотня.

– Он наркоман. Дракула это знает. Ему пришлось взять с собой Фрэнки и заставить меня нянчиться с ним. Но Драк не настолько глуп, чтобы дать наркоману заряженный AR, а Фрэнки под кайфом, так что не заметил разницы.

– Хорошо, но почему ты предупредил меня? Почему позволил этому уроду разыграть комедию? Почему сам не убил меня?

Оборотень вздохнул.

– Драк хотел занять Фрэнки и заодно поиграть на твоих нервах за ложь о телефоне. Это все просто... безумие. Я на это не подписывался.

– Все уже почти кончено, не так ли? – спросил я.

Он кивнул.

– Дела у нас идут погано. Не хватает еще только убить заложника. Я почти уверен, что Драк рассчитывал, что ты убьешь Фрэнки. Одной проблемой меньше.

– Драк не может сделать этого сам? – я вздрогнул. – Кажется, он вполне способен на такое.

– Это его младший брат, – Оборотень махнул рукой. – Я уже достаточно рассказал. Ты останешься здесь. Я буду на-

стороже. Пойду все улажу, как я уже сказал, у нас полно дел.

– Скажи ей... им, моей группе, что я в порядке, – попросил я. – Пожалуйста.

Оборотень снова вздохнул и провел рукой по лицу.

– Хорошо. Но послушай, завтра... все это дерьмо пойдет ко дну. Я больше не смогу тебя защищать. Я никого не смогу защитить, ясно? Я и так сделал больше, чем следовало.

– Спасибо.

Он взял оружие Фрэнки и вышел, оставив меня размышлять о завтрашнем дне. Его слова прозвучали так, словно противостояние обречено на мрачный финал, по крайней мере, для заложников.

Я прислонился к стене и сполз на пол, мои мышцы наконец-то расслабились, когда страх и адреналин отступили. Я положил руки на колени, склонив голову. Я сразу уснул, обессиленный, с одной мыслью в голове: Алекс все еще в опасности.

У меня все еще полно работы.

Глава 12

Алекс

Я смотрела, как они выводят Кори из кабинета, и мои колени подкосились, как у слабого, бесхребетного труса. Почему я не приложила больше усилий? Мои запястья пульсировали там, где их скрутил Фрэнки, но это ничего не значило по сравнению с тем, что предстояло Кори. Этот псих закончит его. От ужаса меня начало мутить.

Я опустилась на колени посреди комнаты, остальные заложники уставились на меня. Все молчали в ожидании звуков выстрелов. Я сжала губы.

– Труссы, – я кипела от злости. – Вы все трусы. Вы и пальцем не пошевелили! Вы просто позволили им забрать его!

Я понимала, что эти слова несправедливы, но боль пожирала меня изнутри, пытаюсь вырваться наружу. Кэрол подошла ко мне, обняла меня, и я рухнула в ее материнские объятия. Она не пыталась утешить меня словами, за что я была ей искренне благодарна. Она знала, что никакие слова не могут облегчить этот кошмар.

И по-прежнему никаких выстрелов.

Мелькнула надежда, но тут же погасла. Фрэнки не отпустит Кори. Они просто увели его настолько далеко, что мы были не в состоянии услышать, как он погибает. Я уже готова была разрыдаться, но увидела Фрэнки, который пронесся мимо окна, держа руки перед собой, плача и причитая.

Мы все переглянулись. Искра надежды снова загорелась во мне. Подойдя к двери, Оборотень приоткрыл ее и просунил голову внутрь.

– С твоим парнем все в порядке. Просто, чтобы ты знала.

Он снова закрыл дверь, и Кэрол крепко обняла меня. Я выдохнула так, будто до этого не дышала целую вечность.

Он жив. Кори жив.

А вслед за этим бездонным облегчением пришло удивление, что я так сильно волновалась за него.

Мы – люди, связанные общей ситуацией и пытающиеся выжить. Вот и все.

Я кивнула. Конечно, это так! Все так и было. Иначе и быть

не могло.

Постепенно сильное чувство страха отступило. Остаток дня тянулся медленно, казалось, что мы находимся здесь уже вечность. Предположительно к пяти часам отключилось электричество.

Комната погрузилась в полумрак, и шум кондиционера стих. Монстры бегали взад и вперед за нашим окном. На страже остался Оборотень, а не Фрэнки. Прошел еще час, а Кори все не было. Они держали его взаперти вдали от нас. От меня.

Ужина также не было. Оборотень раздобыл для нас немного воды, и все. Мне показалось, что он выглядел измученным, испуганным. Что бы ни происходило за пределами четырех стен этого офиса, счет шел явно не в пользу команды монстров. Но вместо облегчения мы напряглись. Если ситуация становилась для них слишком безнадежной – для нас это означало плохие новости.

Прошло еще несколько часов, и темнота постепенно начала сгущаться. Офис превратился в тени, темные фигуры и очертания. Откуда-то пробивался свет, поэтому мы не были в крошечной тьме, но все заложники уснули. Так легче.

Все, кроме меня.

Мое обручальное кольцо лежало в кармане моего короткого пиджака. Я засунула руку внутрь и крутила его. Оно такое тяжелое. По ощущениям казалось, что это просто безделушка.

«Что ты делаешь? О чем ты думаешь?»

Не раздумывая ни секунды, я поднялась на ноги, тихонько проскользнула мимо ног спящих пленников и легонько постучала в дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.